

ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО
ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

25 Mars 1936

LES COSAQUES LIBRES

IX Année

25 МАРТА 1936 г.

195

25 БЕРЕЗНЯ 1936 р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ 9-й

РІК ВИДАННЯ 9-ий

Ю. Пирон

С о д е р ж а н и е :

1. † Иван Назаров: «Изменник».
2. И. Бильт: На казачьей трибуне.
3. Тройственный союз: Франции — СССР — Чехословакии с военной точки зрения.
4. Трагедия казачества.
5. Н. Чебурашкин: Кто нам нужен?
6. Пам'яти К. Л. Бардіка і його синів.
7. И. Биль: † Иван Михайлович Назаров.
8. Памяти Б. А. Кундрюцкова.
9. Казачья эмиграция.
10. Материалы для будущей разгадки теперешней загадки «оппозиции».
11. В Граббевском лагере.

Вольным казакам в Варшаве и вообще в Польше

В номере 193 «ВК»; на стр. 26, напечатан приговор об образовании в Варшаве вольноказачьей станицы. Ныне я получил письмо от г. И. П. Рудакова о том, что станица эта не выносила решения о том, чтобы приговор о ее образовании был послан Походному Атаману, которого они не признают. Г. Рудаков подчеркивает, что в подлинном протоколе г. Шумилиным соответствующее место было вычеркнуто с согласия присутствовавших.

Очевидно, что в деле образования Варшавской станицы не все в порядке. Очевидно, что и я был введен в заблуждение. Должен сказать все же, что еще в июле группа казаков, составившая ядро теперешней варшавской станицы, по своей инициативе просила зачислить ее «в число организаций руководимого Вами (т. е. мною) ВК движения» (см. журнал «ВК» № 178-179). То первое письмо было не только подписано г. Рудаковым, но и писано им собственноручно.

Когда я был в Варшаве, г. Рудаков всячески изливал мне свою преданность и старался не допускать, когда мог, ко мне казаков инакомыслящих. Сейчас он ездит по Польше и ведет агитацию «против Билого, которого мы не выбирали». — Должен также предупредить вольных казаков в Польше, что во время своего пребывания в Варшаве я получил некоторые основания не верить искренности вольноказачьих убеждений г. Рудакова.

— Нам не нужны те, кто часто меняет свои взгляды и симпатии, или кто не тверд еще в своих убеждениях. Поэтому настоящим исключаю вообще г. Рудакова из рядов ВК.

Атаману Варшавской станицы предписываю в бли-

жайшее время собрать станичный сбор, на котором исключить из своей среды не только г. Рудакова, но и его единомышленников, если они у него есть. Там же вынести совершенно ясное и не оставляющее никаких сомнений решение о том, подчиняется или не подчиняется станица Походному Атаману. Подлинный приговор представить непосредственно мне, подписанный всеми участниками сбора. Если станица станет на путь г. Рудакова, то мне от нее ничего больше не нужно.

Чтобы не было в будущем никаких недоразумений, до получения нового приговора я не буду считать Варшавской станицы в рядах ВК.

Всем вольноказачьим организациям в Польше предписываю не принимать в свой состав ни г. Рудакова, ни его единомышленников.

Вольные казаки! До сих пор нам не удалось создать в Польше стройной организации. При всех прежних попытках всегда находился кто-нибудь, кто мешал, кто срывал дело. Страдали от того и страдаете только вы. И всегда вы будете в невыгоде, пока не будете иметь своей организации.

Я решил на этот раз довести дело организации до конца, не останавливаясь ни перед чем. Прошу всех вольных казаков помочь мне в этом. Помогая мне, будете помогать общему делу и самим себе.

Не слушайте тех, кого не знаете или мало знаете. Бойтесь провокаторов и авантюристов — в прошлом они достаточно уже вам навредили.

Не дробите сил, а войдите в одну ВК семью, тогда будем все сильнее.

Походный Атаман ВК И. Биль.

ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПАРИЖСКОЙ ВК СТАНИЦЫ.

На 29 марта, в два с половиной часа дня, в помещении ресторана 19, бульвар Экзельман, назначен станичный сбор для решения некоторых важных вопросов. — Присутствие всех членов станицы обязательно.

ПРАВЛЕНИЕ.

ВОЛЬНЫМ КАЗАКАМ В ЮГОСЛАВИИ.

Представителем журнала в Югославии назначен Петр Михайлович МЕРЗЛИКИН, которому и надлежит впредь посыпать подписьную плату за журнал. Адрес его такой: Београд, Карнеджиева 9.

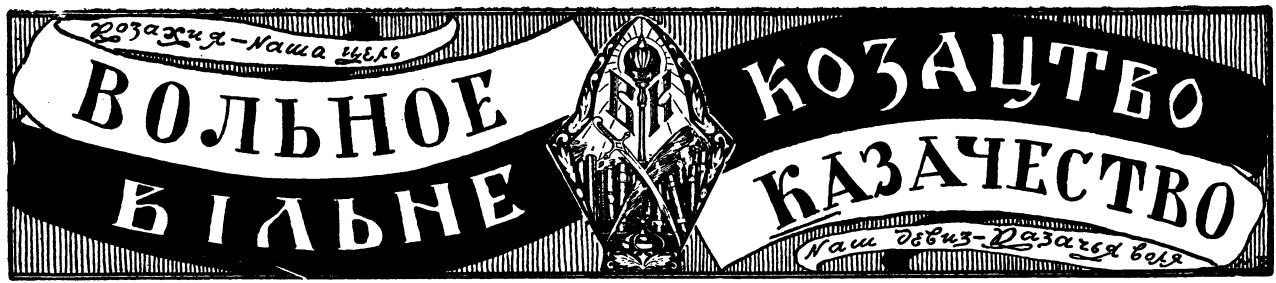
ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Всех обращающихся с тем или иным вопросом в редакцию «ВК» просим всегда разборчиво писать свой адрес, т. к. были случаи, когда из-за того, что мы не смогли разобрать тот или иной адрес, происходили излишние недоразумения.

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.
Редакция не входит в переписку по поводу непринятых к напечатанию рукописей.

Каждый вольный казак должен подписать на свой журнал

— LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Биль

Редакция и администрация: 10, Rue Victorien Sardou, Paris (16)

№ 195

Среда 25 марта 1936. — Середа 25 березня 1936.

№ 195

† Иван Назаров

«Изменник»

(Окончание).

IX.

В то время, как отряд Попова ушел в степи, красный вал надвигавшихся большевицких сил замыкал державшиеся еще до того низовья Дона и красные волки в серых шинелях ворвались в казачьи хутора и станицы. Где ушел от судьбы своей и хутор Вислой, где в старом казачьем курене, с большим хозяйством, жили одинокие: старик Артем Калмыков и его «старуха» Маланья Андреевна — родители братьев Калмыковых.

Грустно тянулись их дни. Старик сурово молчал, осуждая казачью «несогласность», доведшую Войско до позора, и исподлобья, по-волчьи, бросал злобные взгляды на красных солдат, начавших хозяйничать в хуторе. Они грабили все, что попадалось под руку... Иконы ли это были в серебрянной ризе, деньги ли, скот ли, или знаменитые донские кони.. Порой Артем говорил жене, что он не выдержит такой окаймленной жизни. Отроет закопанную в сеннике винтовку и убьет хоть штук пять волков из этой разбойной стаи.

Слезами Маланья Андреевна отговаривала его, уверяя, что придут еще «наши» и выгонят эту банду...

Так шли тяжелые, серые дни в эту страшную восемнадцатую весну, а за ними следовали туманные, в непроглядной мгле без звезд медленно ползущие, ночи. Над хутором, как никогда до этого, по утрам кружились стаи хищных птиц. По ночам выли собаки и в синих глухих улицах вспыхивали одиночные выстрелы.

И вот в эти то дни, однажды утром, Маланья Андреевна с радостным лицом сказала мужу:

— Ты знаешь, что я часто видела сны, которые на яву сбывались?

— Ну, как что-ж! — ответил старик угрюмо.

— Нонче ночью, — сказала она с просветленным лицом и как то «чудно» сияющими глазами; — я видела сон...

Старик молчал. Думы его витали далеко в степи, около степных всадников, и где, надеялся, будут и его два орла — сына. О третьем не думал вовсе, будто его и не было.

— Слушай, — продолжала мать тихо и таинственно, — Господь нас не забывает.

— А надо бы забыть нас, — сказал строго старик. Надо бы забыть всех казаков, забывших свой долг — быть братьями между собою и всем сообща обороняться от окаймленных врагов...

— Да как вот, — продолжала Маланья Андреевна, — видела я во сне, что стою на крыльце и гляжу на юг. только нет будто хутора перед нашим домом. Где садов хуторских, ни левад по над садами, а прямо от рундука начинается степь, — широкая, ровная и будто нет ей края. Трава по ней будто только что выбилась из-под снега и пар от земли, как весной... Но нет по степи ни шляха, ни дороги, только лежит одна «стежка», как ленточка, и идет она с полугорья к нашему двору, к самым нашим воротам. Долго глядела я на «стежку» и никого на ней не вижу, ни конного, ни пешего, как поется в песни. Как вдруг появляется длинная конная колона, будто полк идет, наш казачий полк. Все верховые с пиками. Три всадника едут впереди. Двое на белых конях в синих мундирах, а в середине, весь в серебре и орденах, на красном коне, красный всадник. И знамя у него в руках — синее с красным и с желтой лентой, вместо белой. И эта желтая лента сияет и на солнце горит, как золото. Смотрю на этих трех и вижу, как они приближаются... И вдруг три эти всадника обратились в голубей и все трое взлетели в небо и опять два белых по бокам, а по середине красный голубь. И летят эти голуби к нам, все ближе и ближе. Спускаются к нам во двор и садятся на рундук все трое. И опять белые по бокам, а в середине красный голубь. Два белых тогда вспорхнули и влетели в дом, а красный один остался у порога. Что за чудо, думаю я. Чиво же это красный голубь не влетел и будто жалко мне его и будто хочу позвать его. Гуля! гуля! говорю... Руку подняла — и проснулась...

— Ну да как что-ж! — сказал старик равнодушно. — В чем же тут, что особенного?

— А вот в чем, — сказала женщина взволновано и убежденно. — Три голубя — это три наших сына и вернутся они к нам все трое весною...

— Дай Бог, — сказал старик, сдвигая брови, — чтоб вернулись два, а третьего я убил бы сам из своей винтовки, если б он, не дай Бог, надумал вернуться.

— Может и не убьешь, — возразила женщина. — Может Господь все рассудит по своему. Его святая воля!

— А моя воля?! — гневно вскрикнул старик. — Воля отца, род которого он навек опорочил? Воля моя на него не падает?

— Не знаю.. Но помяни слово мое — Господь сильнее нас.. А они вернутся все трое.

— Может и вернутся, сказал старик с суворой усмешкой, — только не думаю, чтоб промахнулся я по нем... по этом красном голубю из моей винтовки..

С мрачным лицом, повернувшись на каблуках, вышел старик из комнаты. Мать же, как мать, встала, опустилась на колени перед образом Покрова Пресвятой Богородицы и стала молиться, роняя слезы...

X.

Не обманул генерал и вскоре вспомнил о Викторе. Под зимовником Королькова, расположивши отряд в маленьком степном хуторишке, он позвал Виктора в свою «саманную» землянку и сказал:

— Я, как видите, не забыл о Вас и поручаю Вам очень опасную разведку.

— Благодарю Вас, — ответил Виктор.

Не теряя времени, генерал развернул карту и стал обяснять свое задание.

— Пройдите через неприятельские охранения, — сказал он, — вот тут между этими курганами и хутором Подкопаева (при чем, точно указал, как направление по карте, так и расположение застав неприятеля).

— Выполнив это вначале ночи, разведайте о силах неприятеля в Великокняжеской, с боем или как найдете возможным, это дело Ваше. По слухам, туда переброшены большие силы, с целью перерезать нам путь. Нам же необходимо предупредить их неожиданным ударом, направление которого выяснится из данных Вашей разведки.

Вникая в смысл каждого слова, Виктор слушал молча. Генерал продолжал:

— Вы, надеюсь, понимаете, что задача очень трудно выполнима, но штаб убежден, что лучше Вас никто этого не исполнит.

— Надеюсь оправдать возлагаемое на меня поручение, — сказал Виктор твердо.

— Итак, с Богом! — сказал генерал. — Возьмите полусотню или всю свою сотню и в ночь сегодня же выступите.

— Слушаю! — сказал Виктор и вышел с радостно бьющимся сердцем.

Ночью он выступил, а на другой день к вечеру вернулся. В трех опаснейших боях потерял 8 казаков убитыми и сам дважды был ранен, но к счастью легко, без выхода из строя.

Другой раз он совершил неожиданный набег в тыл большевиков, привел с собой две роты пленных и захватил обоз с боевыми снарядами, в которых чувствовалась особенная нужда во всем отряде.

И не раз потом с полной самоотверженностью и героизмом исполнял он опаснейшие боевые задачи.

В апреле, когда Казачество очнулось от красного угара и был совершен знаменитый подвиг есаула Фетисова занятием Новочеркасска и когда восставшие казаки прислали в отряд Попова свой зов о возвращении в освобожденные от красных станицы, Попов позвал Виктора и сказал:

— Ваша служба, служба офицера самых высоких качеств, заставляет меня наградить Вас, но я не знаю, что Вы хотели бы: чин или золотое оружие?

— Благодарю Вас, — ответил Виктор с волнением, — я только исполнил долг мой и никаких чинов, ни орденов мне не надо.

Несколько секунд Попов глядел на него молча, видимо пораженный его скромностью.

— Однако, как же так? — сказал он с легкой растерянностью.

— Прошу Вас, господин генерал, — ответил Виктор, — если я действительно заслужил Ваше признание, не откажите написать отцу моему, уряднику Артему Калмыкову, что я действительно в боях за судьбу Казачества был самоотвержен и не жалел жизни. Только это и ничего больше. Это нужно мне для того отцовского суда, о котором я говорил Вам и который для меня все еще и теперь страшен.

— И все же, — возразил Попов тоном приказания, — в интересах службы и справедливости я дол-

жен наградить Вас еще и чином через чин. Поздравляю Вас поэтому, есаул Калмыков, а письмо напишу...

Так неожиданно для себя и вопреки своей скромности Виктор получил чин есаула, а через несколько дней и письмо генерала отцу...

XI.

Не долго продолжалось кровавое царство большевиков на Дону после занятия Новочеркасска и ухода Попова в степи. Скоро «раскусили» казаки политику «брата» — русского мужика, с кем фронтовики ели кашу из одного котелка на позициях и бестолково «валандались» теперь, вернувшись из полков в станицы.

Показал им себя этот «брать» во всей красе своей, во всей ширине его богоносной натуры, во всей его разнозданности и жажде крови. Опомнилось, наконец, Казачество, стало отрывать закопанное оружие и готовиться к защите.

Первым восстал есаул Фетисов в низовой станице Заплавской, собрал дружины из «парнишек» и стариков, вооруженные наполовину вилами, и взял Новочеркаск, выбив из него вооруженных до зубов товарищей.

С легкой его руки волной разлились по Дону восстания в других станицах и, чувствуя, что пришла заслуженная расплата, большевики бежали. Освободился и хутор Вислый. С радостным лицом старик Артем Калмыков открыл свою винтовку, вычистил ее, зарядил на полный магазин и снова повесил на гвоздь у кровати.

Повеселились казаки. На улицах появились дети. Бабы запели песни. Хутор оживился и все ждал «степняков», о которых из уст в уста передавались уже всякие рассказы и слухи.

Стал ждать «своих двух орлов» и старик Артем Калмыков, не думая совсем о третьем сыне. Маланья Андреевна, как всякая мать, с ноющим сердцем, каждый день подолгу глядела на шлях — не запылит ли он и со степи карьером не влетят ли во двор «три ее сына», как те три голубя, что видела она во сне и в прилет которых верило ее сердце.

Но проходили дни, а о степных богатырях не было «ни слуху, ни духу». Но вот однажды упала над Вислым темная ночь. Тучи бежали по небу по над степью, но не хмурые, как недавно, с пасмурным зимним взглядом, а будто одетые в матовую кисею — трепещущие и жаждущие об'ятий. Месяц выбрасывался из-за них на прогалины, весь золотой, искристый, бросая к земле споны лучей своих, тоже ласкающий и нежный. Трава поднялась по степи и алея на ней везде лазоревые цветочки. Тихо в хуторе. Собаки перестали выть, будто радуясь уходу волков в серых щинелях. Нет выстрелов по улицам и не забиты, как прежде, в домах у всех наглухо ставни. Не поздно еще, но хутор спит, будто наверстывая бесспокойные большевицкие ночи. Спит на Вислом и старики Калмыковы.

Вдруг сквозь сон Маланья Андреевна услышала топот коней и вслед затем стук у них на крыльце. Поднявшись на локте, она сказала:

— Артем Михалыч, вставай! Кто то стучит в дверь.

Более резкий стук ясно повторился.

— Кто ж бы это был? — сказал старик, наскоро обуваясь.

— Может Бог дал, наши приехали, — с радостным вздохом сказала мать.

— А может и тех черт принес! Время, ведь, теперь изменное, — отвечал старик, снимая с гвоздя заряженную винтовку.

Стук раздался в третий раз.

— Счас! — гулко ответил старик и с винтовкой в руке направился в «коридор», к входной двери.

В просвет щели у замка он при свете луны увидел двух, с патронташами и ружьями, в казачьей форме.

— Свои! радостно сверкнула мысль и старик, повернув ключ, приоткрыл двери. Глаза его радостно

вспыхнули, узнав двух «орлов своих», в боевом снаряжении стоявших перед дверью.

Дверь распахнулась и Артем готов был уже обнять сыновей, как вдруг он увидел у рундука трех коней и кого то третьего, их державшего, тоже с винтовкой.

— А это кто? — вдруг тревожно спросил он.

— Как кто же! — весело ответил Алексей, — Виктор!

Порыв дикой злобы, как вихрь, захватил старика. Полное, накипевшее гнева, вспыхнуло сердце и, отступив на шаг, он быстро повернул затвор и вскинул винтовку для выстрела.

Резким взмахом руки Алексей во время схватил дуло винтовки и вскинул кверху.

Шальной выстрел все же грянул и пуля полетела высоко к звездам.

— Чего ты, батенька! — сказал Алексей, — вдруг сурово и строго. Сперва рассуди обо всем, а после сречий...

— Да вот и письмо прочитай! — добавил Григорий, передавая старику большой конверт. — Это тебе от Походного Атамана.

— Ну, входите, — сказал старик «образумевшийся» и, взяв письмо из рук сына, пошел в дом вслед за двумя сыновьями, все же глянув на третьего, не подвижно стоявшего с лошадьми у порога.

Зажгли лампу, расцеловались с отцом и плачущей матерью и все вместе стали читать письмо Атамана. В нем он писал о всех доблестях, проявленных Виктором в степном походе, о его мужестве, давшем ему имя храброго из храбрых. Писал так же, что сам Каледин перед смертью простил Виктора от лица Войска и что теперь Попов, считает своим долгом прощать его, урядника Артема Калмыкова, о прощении его, искупившего свою вину, сына.

Тут только слезы навернулись на глаза отца. «Отлегла» от души его грозная злоба. Снова вернулась утерянная в ней любовь к сыну и только тут он сказал, словно повернулся в душе какой то тяжелый жернов:

— Ну, слава Господу! Зовите его! Теперь я вижу, что и он — сын мой.

Виктор вошел спокойный, но как стена бледный.

— Ну, сынок! — сказал отец, едва сдерживая слезы. — Велика была вина твоя, но и раскаяние твое было богатырское. И если два Атамана простили тебя, да прощает тебя и третий атаман — отец твой.

С этими словами он жарко обнял и поцеловал сына.

— А теперь, мать, — сказал старик, быстро повернувшись к Маланье Андреевне, — целуй и ты его, ибо видно услышал Господь твою молитву.

Мать с рыданием опустила голову на грудь сына.

Выждав несколько минут, будто заведомо дав матери выплакать свои счастливые слезы, отец сказал повелительно и «сурьеэзно»:

— А теперь снимайте оружие, становитесь на молитву и возблагодарим Господа за Его милость...

Молитва кончена. Слезы блестят в материнских глазах, но она переборола их и радостно сказала:

— Видишь, отец, не даром я видела сон о трех голубях. Не даром молилась и верила, что вернутся они к нам все трое. Ты говорил, что чудес нет. Нет, есть они, ибо пути Господни неизвестны...

— Благословен Господь, — сказал старик в высоком возбуждении. — А теперь, — добавил он, — давай на стол все, чиво есть, будем вечерять!

Отец достал цымлянского и несколько бутылок белоголовок. Семейный пир длился далеко за полночь.

Так новый «блудный сын» вернулся в дом отца своего. И так «изменник» стал снова доблестным сыном своей отчизны.

XII.

А на дворе давно была ночь. Месяц золотил еще не одетые в шелковый изумруд ветви деревьев, на которых распускались бутоны листьев. Звезды, как синие брильянты, в дивной красоте кем то разбросаны в океане неба. Воздух свеж, живителен и прозрачен. Земля будто нежится в ожидании горячих об'ятий солнца. Степь тихая, будто заснувшая, отряхнулась, наконец, от безумно метавшегося по ней красного террора. Исчез куда то, будто сквозь землю провалился, ухающий гул орудий. Тихо струится Дон, зачарованный нежной красотой степной ночи.

ЧТО ДУМАЮТ РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ ЛЕВОГО ТОЛКА.

8-го марта в Париже вышел первый номер журнала «Новая Россия» (под редакцией А. Ф. Керенского). Там находим такие мысли и утверждения.

... «Русская эмиграция... предпочитает видеть Россию в руках жесточайшей диктатуры, но не хочет получать в свои руки часть рассеченного тела своей родины» (А. Керенский).

... «В Советском Союзе в наши дни происходят большие события... Идет великая хозяйственная стройка. Стройка на костях миллионов людей, политая кровью целых классов. Но стройка, а не разрушение»... — «Что делать эмигрантской России? Признать себя частью России советской»... (И. Бунаков).

— Недавно вышла 50-я книжка «Современных Записок». Там тоже можно кое что вычитать. Например.

... «Большевизм... не родился вдруг, он имел свои предпосылки во всем нашем темном прошлом и это прошлое формировало не только боевые кадры взрослых большевиков, но и играющие кадры маленьких большевизанчиков... — В России пока еще... не видать борьбы, направленной на... свержение (большевиков). — (С. Иванович, стр. 388 и 398).

... «В. Чемберлен, Э. Амменде и др. со всей категоричностью утверждают, что намеренное вымаривание целых групп населения голодом является теперь одной из форм последовательно проводимой большевиками политики «ликвидации как класса» всех социально им опасных и враждебных элементов». (В. Руднев, стр. 472).

— Недавно в Париже среди русских эмигрантов различных партийных группировок возникло «оборонческое движение». Состоялись уже два собрания и намечено третье этих новых пособников советской власти заграницей. Инициаторы движения говорят так:

«Настал момент поднять веру в живые силы народа»... Проф. Н. Н. Алексеев (евразиец). — В. И. Лебедев (с.-р.) яркими штрихами нарисовал грозную обстановку, складывающуюся на Западе и Востоке России. Восстание японских милитаристов привело к усилению влияния агрессивно настроенных военных групп. Движение германских войск в демилитаризованную зону означает выдвижение стального заслона против Франции на случай грядущей войны против России»... («П. Н.» 21 марта). — Д. М. Дмитриев призывает помнить, что «народ и власть, это — разные вещи: однако же, во время войны нельзя быть оборонцем и одновременно бороться с правительством»...

— Правда, есть над чем призадуматься и нашим «русским казакам»? Русские люди здесь и там, в конце концов, могут сговориться. Что же будут делать тогда казаки, шедшие до сих пор за теми русскими людьми? Покорно пойдут за ними и дальше или проснутся, наконец, и у них казачьи чувства? Будут поставлять и впредь «пушечное мясо» Деникиным, Митлерам, Керенским, Милюковым, а когда все они помирятся, то и самому Сталину, или заговорят у них казачье сердце и придут они в Казачий Лагерь? Кто окажется сильнее в теперешнем «русском казаке» — казак или русский?

И. Билый.

На казачьей трибуне

(Конспект доклада, прочитанного по приглашению казаков-черкассцев в Париже 1 марта).

— Казаки снова входят в моду:

Здесь, за рубежом, усиленно ухаживают за ними сейчас почти все русские организации, всячески убеждая их взять на себя почин в их, русских людей, деле — в деле борьбы за русское национальное государство *).

Там, дома, творится нечто необычное. До сих пор Казачество для Кремля не существовало, а если существовало, то только тогда, когда его нужно было расстреливать или выселять. В советской прессе о казаках писали не иначе, как о кулаках, бандитах или контрреволюционерах. Вообще избегали писать о казаках чтобы и самое слово казак исчезло с печатных страниц. Сейчас иное — сейчас советские газеты запестрели казаками. Не проходит дня, чтобы большевики не вспомнили о казаках. Но главных причин большевистских забот о казаках сейчас две: оккупанты хотят получить на казачьих землях двойной урожай и послать самих казаков в ряды красной армии — в случае «внешней опасности».

Началась новая борьба за казачью душу, за казачье «пушечное мясо».

— Почему же вспомнили о казаках? Почему и зачем нужны они сейчас? И кому нужны они еще раз?

В истории России всегда было так: когда ей было трудно, — вспоминали о казаках, немного подхваливали их и посыпали в самые опасные места.... А когда России было хорошо, о казаках или совсем забывали или.. заставляли «тесниться».

Сейчас тоже — там и здесь — начали ухаживать не спроста. Близятся события, которые коснутся, вероятно, и теперешней России. Вот и ставят русские и не русские люди, правящие сейчас Россией, или претендующие на правление ею завтра, очередную свечку Казачеству.

— А у самих казаков в это время что делается? Сколько партий? Сколько групп? И что делают они? Что думают?

Сегодня предполагалось здесь выступление представителей трех течений казачьей политической мысли. Вы уже знаете, что представители одного из течений уклонились от открытой и публичной защиты перед казачьей аудиторией своих политических идеалов.

А много среди казаков есть еще и таких, кто до сих пор еще не знает, что он будет делать завтра, к какому берегу пристанет, когда будет решаться и казачья судьба.

*) Уговаривая казаков на такую инициативу, русские сами, может быть, не подозревают того, какой убийственный приговор выносят самим себе: что же это за великий народ, который не может взять на себя почина в своем собственном национальном деле!

А пора бы уже казакам решить все вопросы, ибо подходит время действий: говорить могут сколько угодно течений, действовать, с расчетом на успех, может только одно.

Мы до сего времени ведем себя еще так, точно сможем навсегда сохранить за собою возможности занимать какие угодно позиции. Пока обстановка позволяет нам это, пока можем ограничиваться словами, продолжаться так еще некоторое время может. Но скоро наступит время дела и тогда выбор наш значительно сузится: придется выбирать только между двумя или — или....

Может быть, устроители сегодняшнего собрания и имели в виду помочь некоторым казакам найти свой берег. Очевидно, что, прослушав сегодняшние речи, кое-кто в душе своей и решит, где его место и с кем он пойдет дальше.

Меня организаторы сегодняшней беседы пригласили сказать вам здесь о сути ВК программы, о том, как мы, вольные казаки, решаем казачий вопрос.

— Некоторые наши противники ставят нам в вину, что ВК движение — и вообще казачья самостоятельность — возникло заграницей. — Если бы это было и так, то и тогда в этом греха не было бы никакого. Мы же сами говорим, что мы только продолжаем то, что было начато Казачеством там, дома. Мы продолжаем дело Ю. В. Сюза 1917 года, дело проекта Доно-Кавказского Союза 1918 года, дело Казачьей Конференции 1919 года, дело первого Верховного Круга Дона, Кубани и Терека 1920 года. Мы только отбрасываем все те огзворки, которые вносились в те дела противниками казачьей самостоятельности — своими и чужими.

Что казачья самостоятельность явление не заграничное свидетельствуют о том сами же наши противники. Позволю себе сослаться здесь на свидетельство генерала Деникина. В пятом томе своих «Очерков Русской Смуты» он пишет:

«Казачество сочло возможным самостоятельно и односторонне разрешить вопрос о построении общей власти»... «Отсутствие национальной идеи, убогая мысль, потеряв чувства реальности, оторванность от народных масс, личные и партийные интересы»... — Так говорит ген. Деникин о первом Верховном Круге Казачества (стр. 292). Там же он и его единомышленники из казаков свидетельствуют:

«Идея самостоятельного казачьего государства и самостоятельной казачьей армии под влиянием кубанских самостоятельныхников по началу стала брать верх на Круге»... (стр. 294). — «Создается совершенно ненужный союз. Предатели (это так говорил Донской Атаман о членах Круга и Рады. И. Б.) затеваюят нечестную кампанию

и ставят крест на нашем существовании»... (Ген. А. П. Богаевский, стр. 296). — «Изменение лозунга борьбы и замена идеи борьбы — борьбой за собственный очаг, за собственную шкуру — означает конец этой борьбы... Самостоятельное казачье государство для нас немыслимо... Единственная речь, произнесенная на Верховном Круге, напоминавшая о государственной идее и говорившая об общегосударственной власти, единственная речь — говорю это с болью в сердце — вышла из уст осетина Баева, представителя Терского Войска»... (В. А. Харламов, стр. 297). — «Тяжелая обстановка на Круге... Там слово «Россия» произнесено быть не может»... (Предс. Терского Круга Губарев, стр. 297). — «Екатеринодар устранил Россию, создал казачье государство, формирует самостоятельную армию и готовится принять всю полноту власти военной и гражданской на юго-востоке».... (Ген. Деникин, стр. 300). — «Вершители дел на Круге — группа донских и кубанских самостийников»... (Ген. Деникин, стр. 304)...

— Но, наряду с самостийниками, среди казаков были и противники казачьей самостийности, — ярые сторонники и последователи ген. Деникина.

Казачество блудило в двух соснах...

В прошлом и сейчас еще у многих казаков уживается двойственность: начало казачье и начало русское, борются две идеи: служба Казачеству и служба царю — в прошлом, России — в будущем.

Мы, самостийники, эту двойственность отвергаем. Мы оставляем только начало казачье, исповедуем только службу Казачеству. Мы — казаки и больше никто. Начинаемся казаками и кончаемся казаками.

ДЛЯ НАС КАЗАКИ РАВНОЦЕННЫ И РАВНОПРАВНЫ ВСЯКОМУ ДРУГОМУ НАРОДУ.

Мы проповедуем: казаки имеют право на свою собственную и самостоятельную историческую жизнь. Имеют право на свое собственное самостоятельное развитие. Казаки не обязаны жить для того, чтобы служить кому бы то ни было. Они должны служить только себе, только своему делу, как это делает всякий иной народ.

Это возможно только в своем собственном казачьем государстве. Только в своем государстве Казачество будет полным господином и единственным господином своей судьбы.

Поэтому — казаки — для спасения Казачества в настоящем и для обеспечения себе будущего должны создать свое казачье государство — как создал себе свое государство всякий иной народ, не пожелавший исторически умирать.

— Не только наши противники из русских людей, но и некоторые казаки не признают казаков за особый народ, а за часть русского народа, за беглых, за выходцев из России...

Это, конечно, неправда. Неправда уже потому, что казаки, даже наши противники, сами никогда не отожествляют себя с русскими до

конца. Даже заграницей создают свои организации, а не входят в русские. Там тоже никогда казаки не считали себя и русских за одно и то же.

В прошлом казаки имели и свою собственную государственность. И когда наступил 1917 год, казаки, не создавали новое, а восстанавливали свое старое....

К сожалению, мы таки порядком перезабыли свое прошлое. И многое перезабыли. И в 1917 — 1920 годах, пробуя строить свое будущее, мы многое не знали из своего прошлого. Теперь мы, вольные казаки, решили сами попытаться в своей истории, решили раскопать и найти подлинную казачью историю. И уже много мы откопали, многое разыскали.... В доказательство этого разрешите прочитать вам некоторые выдержки из книги, которая у меня сейчас на руках. Книга эта издана в 1732 году (третье издание) и называется так:

«Древния Азовския и Крымския известия. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения онога под Российскую державу. Переведено с немецкого языка через И. К. Тауберта — Академии Наук Ад'юнкта. В Санктпетербурге при Императорской Академии Наук».

В этой книге есть такие места:

...«Имел Мстислав свою резиденцию в Тмутаракани, которой город называется ныне Темрюк. Там покорил он себе в 1021 году соседственных до Кавказских гор распространявшихся козаков»... «И так жили уже во время Цесаря Константина Порфириогеннеты оные козаки, которых Мстислав себе покорил»... «Князь Ростислав владел еще в 1064 и 1065 годах крепостью Темрюком и привел опять в послушание козаков» *....

Но главное, хочу привести вот какое место из главы «Азов под властию козаков»:

«Козаки почитались всегда за храбрый и сильный народ. По свидетельству Константина Порфириогеннеты известны были они уже в 948 году и жили в нынешней Кабарде близ Кавказских гор... Польские писатели об'являют о них разные неосновательные басни. Но сие показывает токмо подлую их ненависть против сего храброго народа. Особливо укоряют они их тем, будто они состоят из беглых людей. Хотя то и подлинно, что они всегда принимали Россиян, Поляков и других, которые у них искали прибежища. Однако сие не мало тому не препятствует, чтоб козаков не можно было почитать за древний и по их состоянию за изрядно учрежденной народ»... **).

Вот у меня в руках другая книжка — чешского автора на чешском языке, изданная в 1933 году. Книжка эта (автор ее — др. Ф. Прикрыл)

*) Было это на добрую сотню лет раньше, чем родилась сама Москва.

**) Книга эта принадлежит А. Ленинову.

посвящена деятельности св. Кирилла и Мефодия. Здесь тоже есть такое место:

...«Вскоре после этого император Михаил послал св. Константина (Кирилла) с братом в страну донских Казаков, согласно предания обнаруженного в 1910 году в архиве монастыря Хыландар на св. Афонской горе»...

А в последнем номере издающегося в Белграде совсем не самостийного ежемесячника «Наша станица», в казачьем календаре, читаем: «3 января 1720 г. — Прекращение автокефальности Донской Православной Церкви».

Я не имею в виду забираться сейчас в исторические дебри, да я сам и не историк. Моей задачей в данном случае было всего лишь на некоторых примерах показать вам, что казачья история не моложе 1000 лет, что в своих поисках прошлого Казачества мы дошли уже до IX и X веков. (История Москвы начинается с XII-го века).

Моей задачей было подчеркнуть вам, что история Казачества в далеком прошлом от Москвы (предшественника России) совершенно не зависела. И вопрос еще, — который разрешат будущие казачьи историки, — чья история старше?

Из приведенной выше выдержки видно также, что теорию о происхождении Казачества новейшие русские историки взяли у некоторых польских авторов.

Повторяю: мы много уже сделали, но далеко еще не все. Мы много уже развенчали неправдивых легенд, созданных чужими около казачьего прошлого но, возможно, что еще не все наносное, не все приkleенное нам чужими историками мы до сего времени успели смыть...

По нам важно было докопаться до правды, и мы к ней докапываемся. Ибо нам, казачьим националистам, нужна сейчас особенно своя настоящая история для того, в первую очередь, чтобы доказать самим казакам, что они могут без стыда, а по праву, как равному, смотреть в глаза любому другому народу:

казаки не выкидиши русского народа и не продукт русской истории.

А если Казачество имеет свою собственную историю, то для нас это весьма существенный аргумент за нашу программу. Если Казачество имеет свое прошлое, наш долг, долг нынешнего казачьего поколения — не закрывать своей старой истории не кончать ее, а продолжать, обеспечить продолжение, передать прошлое и настоящее будущим казачьим поколениям и сделать так чтобы будущая казачья история была более славной, чем прошлая а Казачество в будущем было более счастливым, чем в настоящем.

Мы должны будем оставить будущим казачьим поколениям и правдивое описание настоящих дней. Как бы чужие авторы описали современные события, касающиеся Казачества, можем судить хотя бы на примере добровольческих генералов: тот, кто судил бы о нашей борьбе по их трудам, тот, конечно за Добровольчес-

ской армией вряд ли заметил бы так легко казаков («все сделали добровольцы»)... Вот почему в исторических трудах мы не должны доверять никому, кроме самим себе.

— Мы давно уже установили тот факт, что в прошлом Казачество не раз вынуждено было уходить в эмиграции — и каждый раз под давлением одной и той же силы с Севера. Но эмигрировали и к казакам. Приходили и к ним искать убежища люди из разных стран. Были среди них и русские холопы, убегавшие от своих бар. А недавно мы видели у себя и русских бар, убежавших от своих бывших холопов. Но, ни те, ни другие не создавали, конечно, Казачества, как не создали мы ни французов, ни немцев ни поляков, хотя и принуждены искать сейчас убежища во Франции, в Германии, в Польше, в Болгарии... — Как теперь ни мы, ни русские не бежали в пустыни, так не бегали в пустыни и старые эмигранты. И в старое время все знали, что у казаков выдачи нет.

— Но вернемся к настоящему.

Наше настоящее больше, чем тяжелое. Во многом виной тому события, от воли казачьей независящие. Но больше всего виноваты мы сами. Мы сами больше всего вредили себе в прошлом, вредим и теперь.

Припомните 1917 — 1920 годы. Поставим еще раз вопрос: за что боролись? почему проиграли? — Конечно: наша неподготовленность, отсутствие единой для всего Казачества программы разделение внутри, разделение по Войскам... Хотели служить двум Богам пробовали сидеть на двух стульях... Не справившись, как следует со своим, не построив дома своего, позволили увлечь себя на чужие непосильные задачи... И — былибиты. Чужого великого не сделали и потеряли все свое... и величие и малое.

Ну, а сейчас — как готовимся мы к следующей борьбе? Готовы ли мы к ней? Все ли сделали казаки, чтобы не проиграть в будущем? И знают ли все они и хорошо, за что они будут бороться завтра?

— Мы вольные казаки, оставляем себе только одного Бога — Казачьего Бога. Становимся только на одну дорогу — Казачью Дорогу. Отбрасываем все русские оговорки казачьей самостийности, все «впрель до...» и оставляем САМОСТИЙНОСТЬ БЕЗОГОВОРОЧНУЮ. — Это и есть, если угодно, первый член нашего символа веры.

Казачьи Войска в прошлом были раз'единены, строили свою жизнь и боролись за нее каждое по своему. Проиграли мы все. Пользуясь нашей раз'единенностью, командовали нами «белые». Пользуясь нашими несогласиями, побили по частям нас красные. Так было. Так не должно быть. Казачество должно об'единиться и спасти себя. И — второй член нашего символа веры:

*Освобождение Казачества и
ОБ'ЕДИНЕНИЕ ВСЕХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК*

В ОДНО ГОСУДАРСТВО — В ОДНУ ВЕЛИКУЮ КАЗАЧЬЮ РЕСПУБЛИКУ — КАЗАКИЮ

Только под этим лозунгом — лозунгом КАЗАКИЙ — сможем вести мы грядущую освободительную борьбу с расчетом на успех.

Это место своего сегодняшнего слова подчеркиваю особенно сильно. Я хотел бы, чтобы эти слова мои дошли к сердцу и разуму каждого казака. Ибо раз'единенные — проиграем снова и наверняка. А проиграть больше Казачество не смеет.

— Какие же Казачьи Войска входят в нашу политическую и территориальную программу? — Мы говорим об об'единении шести Войск: Донского, Кубанского, Терского, Астраханского, Яицкого и Оренбургского.

Мы не строим своей программы на принуждении, но мы сделаем все, чтобы все перечисленные Войска вошли в состав Казакии. Мы сделаем все, чтобы убедить казаков всех этих Войск принять само горячее и непосредственное участие в активной борьбе за казачье государство.

Верим, что это нам удастся. Верим, что в будущий момент борьбы среди казаков не найдется «эрителей» и «нейтралитетчиков»....

Наша — казаков-националистов — главнейшая задача и состоит сегодня в том, чтобы все Казачество поставить на эту единственную казачью дорогу, на службу и борьбу за ВК программу, за интересы только Казачества и никого больше.

Пора казакам перестать ходить по чужим проселочным дорогам, пора выходить всем на свой казачий шлях. Все остальное разрешится потом как логическое следствие и развитие первых двух основных утверждений:

Мы — казаки. И мы хотим строить одну Казакию для всего Казачества.

— Хочу коснуться еще одного существенного и острого вопроса — вопроса об иногородних. Решить его нам, казакам, надо раз на всегда. Наше, вольных казаков, решение этого вопроса в принципе таково: старых иногородных мы должны будем натурализовать — со всеми вытекающими из такого решения последствиями. У новых переселенцев — переселенцев

времен войны и оккупации — есть своя родина. Наши, сосланные теперь на Север, в Сибирь и другие отдаленные и не отдаленные места СССР, вернутся к себе домой, а новые переселенцы к нам из России поедут туда, откуда приехали. Большинство из них, вероятно, не будет ждать даже нашего по этому вопросу решения.

— В заключение поставлю весьма важный вопрос:

Выдержим ли мы свою самостоятельность? Хватит ли на то наших сил духовных и материальных?

Отвечая на этот вопрос, следует говорить только о силах моральных, о силах духа. Ибо, если бы народы свою государственную самостоятельность ставили в зависимость от сил и ресурсов материальных, многие из уже существующих государств должны были бы потерять свою самостоятельность. И не только малые.

Каждый народ хочет жить своей самостоятельной жизнью независимо от того, богат он или беден. Что касается Казачьих Земель, то мы как раз именно можем не бояться материальных недостатков. **Наших богатств хватит на нашу самостоятельность при всяких условиях.** Их не хватает и не хватит никогда на содержание оккупантов, кто бы и каких бы цветов они ни были.

Если материальная наша база крепка, то не менее крепка и наша база моральная. На вопрос о силах духовных, мы отвечаем решительным — да! Хватало у казаков сил на большие дела для других, должно хватить их и на дела свои. Кто этого не признает, тот не признает за Казачеством вообще больших моральных ценностей.

Если сейчас представители великого народа не прочь возложить на казачьи плечи инициативу в своем национальном деле и, следовательно, верят казакам больше, чем себе, то будем же мы сами верить себе, верить в свои силы и в свое дело.

Мы, казачьи националисты, верим в казачьи духовные и моральные силы, верим в будущее Казачества и отдаляем себя целиком на службу и борьбу Ему — и только Ему.

В БОЛЬШОМ СВЕТЕ.

Почти две недели государства, подписавшие Локарнский договор — Англия, Франция, Италия и Бельгия — и Совет Лиги Наций искали «ответа» на расторжение Германией Локарнского договора и заявления своими войсками своей Рейнской области. Обнаружились большие расхождения между Англией и Францией в оценке Германского акта, во взглядах на выход из создавшегося положения, а главное — в отношении мирных, касающихся будущего, предложений канцлера Гитлера. В конце концов был найден компромисс и предложен Германии. Суть этого предложения такова: Совет Лиги Наций констатировал нарушение Германией Локарнского договора. Германия предлагает: 1) передать международному трибуналу в Гааге разрешение вопроса о совместности франко-советского пакта с Локарнским договором; 2) не укреплять занятой Рейнской области, 3) отвести на 20 километров от французской границы свои войска с тем, чтобы 4) эта полоса на время переговоров была занята «символически», т. е. небольшими английскими и итальянскими отрядами. — Дальнейшее развитие событий будет зависеть от того, какой ответ на эти «предложения» даст Германия. — Во всяком случае, наиболее вероятно, что при всяком ответе Германии «кризис» перейдет в «длительное состояние и скорого решения, удовлетворившего бы всех, ждать в ближайшее время не придется.

Пока можно только сказать, что «лондонскими пунктами» недоволен никто: французы считают, что они пошли на большие уступки, немцы находят их несовместимыми с германским суверенитетом, а Польша и нейтральные государства не хотят быть втянутыми в конфликт, который их по существу не касается.

Тройственный союз: Франция — СССР — Чехословакия с военной точки зрения

Берлинский еженедельник «Милитер-Вохенблэт», в номере 23 за прошлый год, непосредственно после подписания франко-советского и чехословацкого-советского пакта, так оценивал эти пакты с военной точки зрения:

«Враждебная Германия Франция с Чехословакией заключили союз с большевицким СССР, направленный против Германии. В мае 1935 г. эти три государства заключили договоры о взаимной помощи, своими политическими статьями опирающиеся на параграфы Лиги Наций и тем кажущиеся «безобидными». Но взаимные визиты французских, русских и чехословацких офицеров армии и воздушного флота показывают, что между этими тремя главными штабами заключены серьезные взаимообязывающие военные договоры.

Франция стремится найти еще дальнейших союзников — главным образом в лице Румынии и Италии..

Общей военной целью Франции и России было бы средняя Европа. При такой наступательной войне Франция не была бы поддержана ни Бельгией, ни Голландией. О Швейцарии можно наперед сказать, что она всеми силами будет защищать свой нейтралитет и против Франции, и против Италии. С востока давили бы своей массой Советы. Советская армия и ее воздушные силы сильные и имеют современное вооружение. Неизвестно еще, будут ли Советы иметь внутренние затруднения в момент возникновения войны. Постоянное напряжение между Японией и СССР на Дальнем Востоке связало бы едва четвертую или третью часть советских вооруженных сил. Таким образом, у Советов остается армия в 4-5 миллионов человек с несколькими тысячами ударных танков и воздушный флот в несколько тысяч самолетов, которые она может бросить против Европы.

Как и во время Мировой войны, так и теперь, восточно-европейское поле военных действий разделено Полесскими болотами, врезающимися с востока глубоко в среднюю Польшу, на две части.

В северной части — от Припети до Балтийского моря — ведут кратчайшие пути из России в Германию. Пути эти идут частью через Балтийские государства, частью через Польшу. Из южной части Сов. России ведут хотя и менее удобные пути сообщения к весьма важным областям немецкой средней Европы, но здесь Советам совсем близко к территории своего союзника — Чехословакии. Кроме того, кажется, что Румыния или совсем не противилась бы или только в весьма малой степени противилась бы пропуску советских армий через свою территорию. На том же направлении лежит и Венгрия, бывший диктатор которой Бела Кун, живущий в России, не отказался от намерения советизировать ее снова.

На севере лежат три прибалтийских государства — действительно между двух огней. Они должны будут выбрать одну или другую сторону, так как их территории сделаются театром военных действий при всяких обстоятельствах..

Особое положение занимает Чехословакия. Она отделена от своих союзников главным образом польской и немецкой территориями и соприкасается только в самой восточной своей части с Румынией — своим союзником из состава Малой Антанты. Чехословакия имеет весьма большое значение для обоих своих союзников — западного и восточного, так как является для них, с военной точки зрения, соединительным звеном.

В 1914 году Россия и Франция не имели такого звена. То, что сейчас Франция и Россия имеют в средней Европе союзника, является для них колоссальной выгодой. Вытянутая географически территория Чехословакии глубоко внедряется в немецкую землю, отделяет Силезию от Баварии, стоит у ворот Саксонии и угрожает Дунаю. Чехословакия,ложенная между

Польшей и Венгрией, представляет опасность для обоих на значительном протяжении и является для русских ближайшим мостом, через который они легко проникнут в среднюю Европу.

Еще год тому назад военная ситуация Чехословакии была чрезвычайно выгодной. Германия была почти безоружной, и Чехословакия могла со своей армией в полтора миллиона человек продвинуться глубоко в Германию.

Этим наступательным чехословацким возможностям положен ныне решительный предел. 65 миллионов немцев не могут больше позволить оставить около себя в такой близости так сильно вооруженную Чехословакию и не иметь у себя достаточных средств обороны.

Согласно теперешней обстановке, на Чехословакию легла бы задача всеми силами защищаться до тех пор, пока ей не пришла бы помочь с запада или востока. Возможно, что такая скорая помощь занимает видное место в планах генеральных штабов о первых операциях. В 1914 году оказание такой помощи было бы операцией тяжелой и вряд ли выполнимой. Сейчас ее делает возможной авиация. Хотя это оружие и не может иметь решающего значения, но все же помочь его будет весьма существенной.

Многократные взаимные визиты ответственных офицеров воздушного флота всех трех союзников позволяют думать, что во время войны большие отряды французского и русского флота будут посланы в Чехословакию, чтобы оказать поддержку чехословацкой армии до тех пор, пока не подойдет помочь и французско-руssких армий.

Нельзя даже и представить себе более идеального стратегического аэродрома, чем Чехия и Морава. Оттуда можно предпринимать большие воздушные атаки на Польшу, согласованные с такими же атаками из Сов. России, точно так же как и атаки на Германию, комбинированные с налетами из Франции. Оборудование и снабжение Чехии и Моравы, как некоторого рода общей воздушной базы (многочисленные аэродромы, склады и мастерские) принадлежит, очевидно, к области военной подготовки тройственного союза. С Францией существует уж много лет пассажирское воздушное сообщение, ведущее через южную Германию в Страсбург и Париж. Недавно было организовано такое же сообщение с Россией. Так как Польша не разрешила перелет своей территории, эту линию пришлось вести через северную Румынию в южную Россию (Киев). Это тоже является указателем стратегической связи между Чехословакией и Россией на случай войны.

Во время последней войны Германия и Австро-Венгрия имели большое преимущество в том, что могли действовать на внутренних операционных линиях. Эта выгода сейчас весьма ограничена положением Чехословакии. Не компенсирует этого и общая граница польско-немецкая (не принимая в расчет Восточной Пруссии), так как в южной своей части находится под угрозой Чехословакии.

Самый краткий путь между Францией и Чехословакией ведет через среднюю и южную Германию.. С этой точки зрения весьма важно, какую позицию займут государства, лежащие в непосредственной близости к этому наступательному французскому направлению, а именно: Швейцария и Австрия, а во вторую очередь и Италия.

Вообще же можно сказать, что тройственный союз тем, что имеет в своем составе Сов. Россию, является угрозой всей Европе. В теперешнее время против большевицкой опасности на востоке стоят только Германия и Польша. Но можно ожидать, что, в случае военной опасности, этот антибольшевицкий фронт расширится и на земле, и в воздухе, и на море».

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть III.

(Июнь-декабрь 1919 г.)

НА КАЗАЧЬИХ ВЕРХАХ.

Как относились казачьи руководящие круги к происходящим грозным событиям? Какие меры предпринимали казачьи правители, чтобы спасти Казачество?

27-го ноября 1919 г. командующий Донской армии ген. Сидорин **приказал** «принять меры к изъятию из станиц и хуторов покинувших фронт казаков и офицеров». Решено было привлечь «членов (Донского) Круга к поездкам по области для помощи властям по очистке тыла». Члены Круга призывались поехать по станицам и хуторам с целью **поднять новый сполок** среди Казачества на борьбу с занявшими значительную часть Области армиями красных.

С своей стороны Большой Войсковой Круг, заливчивая свою двухмесячную сессию, 1-го декабря 1919 г. издал нижеследующий «Указ Большого Войскового Круга Донской Армии и всему населению Всевеликого Войска Донского»:

«Настал жестокий час борьбы Казачества и лучших русских людей с советской властью, с комиссарами и их наемниками.

Штыками и пулеметами коммунистов нагнали они на наш фронт толпы насильно мобилизованных русских людей и продолжают лить братскую кровь в междуусобной гражданской войне.

Комиссары знают, что не сломить им казачьи силы в честном бою! Дьявольской клеветой стараются они отравить душу родного бойца — казака и солдата.

Они распустили тысячи агитаторов в тылу и на фронте, чтобы внести рознь и разложение в наши ряды, в ряды наших бойцов.

Напрасны их усилия разложить наш единый фронт борьбы. Круг един и проникнут единой волей бороться и победить врагов единой России и свободного Казачества — советских комиссаров и их наемников.

В этой борьбе обединились и Дон, и Кубань, и Терек, и Астраханцы, и лучшие представители Горцев и Добровольческая армия под единым водительством главнокомандующего генерала Деникина.

Путь один — победить националистов коммунистов и комиссаров. Воссоздать единую, свободную, великую Россию. Отстоять и сохранить свободу, вольность и права казачьи, права всего народа.

Войсковой Круг, Атаман и Войсковое Правительство предоставили все силы и средства нашему командующему для борьбы: тыл мобилизован — в наши ряды призвано все способное носить оружие: из тыловых учреждений все лишние люди командируются на фронт; беспощадными мерами дезертиры вновь возвращаются на фронт; мобилизован конский состав, чтобы увеличить ряды нашей непобедимой конницы; мобилизованы подводы, чтобы создать обозы для частей; у городского населения реквизируется теплое платье и белье, чтобы одеть бойцов на фронте; склады материй и платья забраны на нужды армии.

Нет жертвы, перед которой остановился бы Войсковой Круг.

Все для фронта!

Все для героев бойцов!

Тыл должен служить фронту.

Бесぽщадная борьба с шкурниками, мародерами и спекулянтами — они союзники советской власти в тылу.

Твердо стойте герои-бойцы!

С нами правда, с нами победа!

Председатель Войскового Круга В. А. Харламов. Товарищи председателя: Янов, Уланов, Копанев, Плюкович, Сенюткин, Зотов, Попов Солдатов. Секретарь Дувакин.

(«Приазовский Край», 3.XII.19. №р. 273).

Как видим, донские казачьи верхи не совсем поняли происходившие тогда события: против Казачества шли русские армии, а не только «советские комиссары и их наемники», как пробовали утверждать составители вышеприведенного Указа Круга; Россия шла на завоевание Казачества — «красная» была с фронта и разлагала тыл, а «белая» произвела переворот на Кубани, чем вывела с фронта большую часть доблестных кубанских бойцов, потерявших весь смысл борьбы в «союзе с белой Россией»; Донской же Круг тянул старую песню о борьбе за «единую Россию»..

В всяком случае Круг не сказал ясного казачьего слова. Снова и снова ставилось две цели борьбы: борьба за Казачество и борьба за Россию, когда надо было бороться только за Казачество, предоставив самим русским решать свои русские дела.

Напрасно донские вожди говорили о единении Казачества с Добровольческой армией. Таково было действительности не существовало, да и создать ее не с чего было, так как даже русское население Казачьих Земель не пошло под флагом Деникина. Почти двухлетний союз Казачества с русскими силами под водительством Деникина привел к явно плачевным результатам. И этого ясного, казалось, факта, видимо, не хотели понять авторы Указа.

В день прекращения сессии Большого Круга, 1 декабря 1919 г., командующий Донской армией ген. Сидорин обратился к Кубанскому и Терскому Атаманам с нижеследующей телеграммой:

«Кубанскому, Терскому Атаману.

На фронте идет напряженнейшая борьба. Красное командование поставило все на карту, чтобы добиться успеха. Как командующий Донской армией считаю своим долгом известить Вас, Атаман, что Донское Войско, сознавая значение происходящего, обявило у себя **полный сполок**. Мобилизуются все от 18 лет до 50 лет, мобилизуются все лошади, все подводы. Реквизизируется все, что есть из теплой одежды.

Время слишком грозное, чтобы не понять его последствий. Донское Войско вправе ожидать от Кубанцев и Терцев того же напряжения и скорейшей посыпки на фронт всего, что есть боеспособного из людей и лошадей. Нужны быстрые и решительные меры.

Обстановка не позволяет мне бросить фронт, чтобы личным свиданием с Вами пояснить все подробности происходящих событий. Но, повторяю, они таковы, что требуют поднять на ноги все Казачество, если оно желает сохранить свою самобытность.

1 декабря 1919 г.

Генерал Сидорин.

Эта телеграмма была уже ближе к действительности: в ней нет слов о спасении России, идущей войной на казаков; в телеграмме говорилось только о сохранении казачьей **самобытности**. Ген. Сидорин тоже остановился на попутки: а надо было ясноставить только один вопрос на разрешение — борьбу за казачью государственную независимость и самостоятельность...

Кубанью правили в то время лица, пришедшие к власти после **ноябрьского переворота**, а некоторые из этих правителей и.., путем этого переворота — Атаман ген. Успенский, председатель Правительства Ф. Сушкин, председатель Краевой Рады Д. Скобцов, начальник гарнизона гор. Екатеринодара ген. Корольков и т. д.

На выше приведенное обращение командующего Донской армией и на телеграмму главкома Деникина «об уравнении тяготы в борьбе с красными», Кубан-

ский Атаман ген. Успенский 2-го декабря послал следующий ответ:

«Таганрог — Главному, копия Командарм Кав, Командарм Дон, Командарм Добр. Пятигорск — Терскому Атаману.

015744. В Войске призваны казаки 21 года, разверстка полкам сделана, казаки находятся на сборных пунктах в ожидании подачи подвижных составов. Приказано немедленно приступить к занятиям с 20-м годом... Объявляется мобилизация б тысяч лошадей, на которых будут посажены безлошадные казаки присяги с 1899 по 1920 год, находящиеся ныне в распоряжении отделов. Правительство ассигновывает сто миллионов рублей для уплаты за лошадей, имеющих быть приведенными казаками, помимо мобилизации... В Кавармию даю 1500 конных и 3000 пластунов. В будущем пополнения в Кавармию будут высыпаться неизменно... Опять таки повторяю: впредь до разрешения тяжелой обстановки, в соответствии с указаниями Ставки, главная масса пополнений будет мною направляться в конные части армии ген. Врангеля. Пополнения 21 года готовы к отправлению на сборных пунктах, задержка происходит неподачей подвижного состава.

Екатеринодар. 2 декабря 19 г. № 02311. Войсковой Атаман ген.-майор Успенский. Зашифровал хорунжий Кузнецков».

На бумаге выходило все хорошо: и люди были мобилизованы, и шесть тысяч лошадей мобилизовано, и сто миллионов рублей ассигновано на уплату за лошадей, которых население приведет помимо мобилизации, а на делее, фактически, пополнения на фронт все же не поступали в тех размерах, которые обеспечивали бы успех боевых операций. На примере действий 2-го Кубанского корпуса на Валуйско-Оскольском направлении в ноябре мы уже показали, какое настроение охватило рядовую казачью массу после ноябрьского переворота на Кубани.

Глубоко оскорбленное в своем правосознании этим переворотом, Кубанское казачество волновалось... Генералами поставленная виселица с тихо колышущимся на ней трупом А. И. Кулабухова стала между казаками и русскими генералами. Эта виселица была генеральской программой, которую Казачество не только отбрасывало, но за которую собиралось еще и отплатить...

То там, то здесь станичные сборы и целые воинские части требовали разъяснения происшедших событий.. В ответ на это требование в декабре во всех газетах был помещен следующий «Приказ Кубанского Войскового Атамана по Кубанскому Краю»:

«№ 65. 6-го декабря 1919 г. Гор. Екатеринодар.

Тяжелые для чести и достоинства Кубанского Края события произошли на Кубани.

В декабре прошлого 1918 г. Кубанская Чрезвычайная Краевая Рада и Краевое Правительство постановили послать во Францию делегацию для осведомления наших союзников о нуждах Кубанского Края, для защиты интересов Кубани и в помощь представителю России на Мирной конференции в Париже — Сазонову.

Недобрые слухи доходили на Кубань о действиях делегации. С возвращением же в сентябре 1919 г. членов делегации Кулабухова, привезшего отчеты и документы, стало определено известно, что вопреки своей прямой задаче, Кубанская делегация направила свои стремления к отторжению Кубани от России.

Как оказалось, по прибытии в Париж, члены делегации не вручили своих полномочий Сазонову и отказались примкнуть к представителям борющейся против большевиков России; вместо этого они сблизились, с представителями окраинных государственных образований — Грузии, Азербайджана и других, определенно стремящихся к раз'единению с Россией при всяких условиях и заинтересованных не в возрождении России, а в ее ослаблении.

Действуя совместно с представителями этих окраинных образований, представители Кубани повели

в Париже работу, направленную против признания единого российского представительства на Мирной конференции; вместо этого Кубанские делегаты стали добиваться признания Кубани независимым государством, т. е. отделения Кубани от России.

13 мая 1919 г. члены делегации Быч, Савицкий, Намитоков и Кулабухов, втайне от других членов делегации, посетили президента Северо-Американских Соединенных Штатов Вильсона, перед которым ходатайствовали о признании Кубани независимым государством.

29 мая 1919 г. те же делегаты подали союзным с Россией державам письменное сообщение (меморандум) с таким же ходатайством о признании Кубани независимым государством. Наконец, в июле 1919 г. теми же четырьмя делегатами был подписан «Договор Дружбы» с «Меджелисом республики горских народов» о взаимном признании независимости и о военной поддержке друг друга.

Горская Республика претендует на территорию Дагестана, большую часть Терского Края и часть Кубани. Договор предусматривает проведение границ между Кубанью и Горской Республикой, совершенно не принимая во внимание интересов Терского Войска. По этому договору воинские части каждой договаривающейся стороны, находясь на территории другой стороны, должны поступать в распоряжение этой последней. Если бы этот договор осуществился, Кубанские части, сражающиеся рука об руку с Терскими и Добровольческими частями в Дагестане против врагов России, возбуждаемыми агентами большевиков и упомянутой Горской Республики, должны были бы изменнически бросить своих братьев по оружию и поступить в распоряжение их врагов.

Кубанская делегация, хотя и не имела полномочий на подачу подобных заявлений и на заключение таких договоров, действовала, однако, именем Кубанского Краевого правительства и Краевой Рады и не могла не возбудить тревоги в рядах Добровольческой армии. Между тем, осуждения деятельности делегатов со стороны Кубанских краевых органов власти не было. Только 27 октября Кубанское Краевое правительство вынесло постановление о признании «договора дружбы» недействительным и самочинным и о лишении делегации полномочий правительства и только 6 ноября Кубанская Краевая Рада лишила делегацию своих полномочий. Однако, эти постановления оказались запоздалыми.

Так как действия Кубанской делегации вредили интересам всех борющихся за возрождение России сил, Главнокомандующий вооруженными силами Юга России ген. Деникин 25 октября издал приказ о предании четырем Кубанским делегатам, подписавших договор с «горской республикой», военно-полевому суду за измену. Член делегации Кулабухов был арестован и по приговору военно-полевого суда казнен.

Вместе с тем, по приказу командующего Кавказской армией были арестованы и высланы заграницу 12 членов Кубанской Краевой и Законодательной Рад, которым вменялось в вину, что они, «пытаясь развалить фронт, сеяли рознь в тылу и затрудняли работу атамана и правительства в деле снабжения и пополнения армии, оказывали содействие врагам России».

Я глубоко скорблю, что членов Кубанской делегации и членов Рады судили не Кубанская Краевая Рада или Краевой суд, образованный распоряжением Рады.

Но вместе с тем, я считаю своим долгом сказать, что всякие действия, сеющие рознь между Кубанским казачеством и Добровольческой армией, всякие волнения и неустройства в тылу вредят общему делу возрождения России и могут быть крайне пагубны для судьбы нашего края.

Волею Краевой Рады избранный на пост Кубанского Войскового Атамана, я призвал к управлению Краем людей, неизменно с самого начала борьбы с

большевизмом стоящих за возрождение Великой Свободной России и устроение нашего края мыслящих только в единении с нею. Назначеному мною правительству я вменяю в обязанность проводить программу, определенную постановлениями Чрезвычайной Краевой Рады 7 ноября с. г. — ведение борьбы с большевиками до конца в тесном союзе с Добровольческой армией и создание единой государственной власти на юге России с сохранением за Кубанью широких прав по устроению краевой жизни через свои представительные учреждения — Краевую Раду и органы исполнительной власти.

Наступили грозные дни. Враг обрушился на наш фронт с отчаянной, быть может, последней попыткой сломить наши ряды. В такой момент все силы должны быть направлены на поддержку фронта, — на пополнение наших полков, на снабжение их всем необходимым, на размещение раненых. Нужно оставить на время заботы о личном благополучии, нужно не жалеть трудов и усилий для блага Края, для спасения родины.

Пусть помнят все, что только за несокрушимой стеной наших Кубанских орлов может процветать в Крае народоправство, может спокойно работать хозяин земли нашей — Краевая Рада и может быть проведен в жизнь принятый Радой закон о земле.

Все сыны Кубани — казаки, горцы и иногородние — примут в ближайшем будущем непосредственное участие в деле краевого строительства.

И я требую, чтобы сыны Кубани исполнили свой долг до конца и, как один человек, оказали могучую поддержку Краевой Раде, мне и Краевому Правительству.

В этом залог нашей победы. В этом залог процветания Края и возрождения Великой Свободной России.

Кубанский. Войсковой Атаман ген. штаба, ген.-майор Успенский.

Председатель правительства Ф. Сушков».

Этим приказом давалось полное моральное оправдание вешателям борца за казачью права А. И. Кулабухова. Вместе с тем осуждались те казаки, которые хотели вести Казачество наиболее правильным путем к защите и своих Земель, и своих Вольностей.

Что иного могли написать составители этого приказа, в часы переворота на Кубани принимавшие участие в совещаниях с ген. Покровским, повесившим А. И. Кулабухова!

Такой приказ Атамана не мог поднять Кубанское Казачество на борьбу. Больше того, этот приказ ясно показал казакам, боровшимся за свои права и за казачьи вольности, что главные виновники переворота на Кубани не покараны и кубанские полки остаются в распоряжении тех самых генералов — Деникина, Врангеля, Покровского, которые насмеялись над Кубанью и повесили защитника казачьих прав.

В самом деле, кто как не явные, сознательные или бессознательные, пособники красной Москвы, могли назначить в ноябре падачу Кубани ген. Покровского на пост командующего Кавказской армией состоявшей главным образом из Кубанцев? Кто иной, как не та же пособники красной Москвы, могли издать приказ о подчинении генералу Врангелю казачьей конной группы, действовавшей на Валуйско-Оскольском направлении? Верховное руководство над Кубанцами попало в руки организаторов ноябрьского насилия над Кубанью.

27-го ноября ген. Деникин подчинил Врангелю казачью конную группу, а 28-го ноября в журнале военных действий Донской армии сделана следующая запись: «Донскому Атаману и ген. Дубовскому послана телеграмма с просьбой принять меры к устранению вредного влияния большевицкой агитации среди войск; события на Кубани являются благоприятным предлогом для распространения провокационных сведений»...

Если ноябрьский переворот на Кубани разлагающе влиял на Донских казаков, то тем более пагубные

последствия, этот переворот имел в смысле разложения казаков Кубанских. Как в конце 1917 г. и в начале 1918 г. кубанским властям приходилось прибегать к уговариванию целых казачьих воинских частей, так и в декабре 1919 г. пришлось вновь применить этот же способ воздействия на казаков. Так, например, с целью уговаривания 9 декабря ездили в ст. Пашковскую товарищ председателя Рады Рябцев и член Краевой Рады Горб в расположенный там З-й сводный полк.

Но что могли сделать подобные поездки в Кубанские части, когда казаки видели ген. Врангеля — в роли руководителя казачьей конной группы, ген. В. Науменко — в роли командующего 2-м Куб. корпусом, ген. Покровского — в роли командующего Кавказской армии, ген. Королькова — в роли нач. гарнизона гор. Екатеринодара? (Известно, что ген. Корольков при ноябрьском перевороте широко использовал военное училище для целей переворотчиков).

Как фальшиво должны были звучать слова выше-приведенного приказа Кубанского Войскового Атамана о процветании народоправства на Кубани, о спокойной работе «хозяина земли нашей — Краевой Рады», когда ровно месяц перед изданием этого приказа русские и кубанские насильники унизовили Кубанскую Краевую Раду, повесили А. И. Кулабухова, боровшегося именно за то, чтобы Кубанская Краевая Рада стала настоящим хозяином на Земле Кубанской, когда высшие должности на Кубани и в Кубанских войсковых частях занимали лица, так или иначе причастные к этому насилию над волей Кубанского казачества!..

Ни Указ Донского Круга, данный 1 декабря, ни Приказ Куб. Войскового Атамана, выпущенный 6 декабря, не явились и по своему содержанию не могли явиться теми словами, которые зажигают сердца на борьбу, воодушевляют на подвиг, указывают ясные цели, обединяют и ведут к победе над врагом...

Пребывание же на верхах военных и гражданских властей лиц, враждебных казачьей освободительной идеи, убивало казачью душу и делало казачьи полки и батальоны небоеспособными...

Намерения белого и красного командования.

Согласно официальным данным штаба Донской армии около 29 ноября 1919 г. русско-казачий фронт занимал следующее положение:

1. Кавказская армия: Черноярское направление: казаки занимали Солодники; Камышинское направление: 1-й Корпус занимал укрепленную позицию и Орловку; 4-й Куб. корпус генерала Топоркова занимал Каркагон-Араканцев.

2. Донская армия: от устья р. Иловли вверх по р. Дону до района г. Богучара, далее фронт поворачивал на запад и проходил между р. Черная Калитва и р. Богучар, пересекал р. Айдар примерно у сел. Березовки.

3. Конная группа ген. Мамонтова прикрывала г. Купянск; против казачьей конной группы располагалась конница Буденного следующим образом: 6-я сов. дивизия занимала Сиротино-Демино-Водяное-Цыганкова-Борчанский, на железной дороге на г. Купянск находилась 42 стрелк. красная дивизия, левее ее до района Б. Бурлука включительно занимали фронт 4-я и 11-я сов. дивизии.

Добровольческая армия — Марковцы, Корниловцы и Дроздовцы — находилась на линии Лебяжье, Каменная Яруга, что севернее г. Чугуева, Зотов, Тонкая, Мерефа, Ракитное, Знаменское — все в 10-25 верстах к югу от Харькова.

Далее до Миргорода антибольшевицких войск почти не было; еще далее фронт тянулся через Камышки, Сенгу, Чернухи, Пирятин, Петровку, Сальное, Гоголев, Княжики, Киев, Вышгород. Немешаево, Бучу, Ясногородку, Пашковку, Грузское, Криковизну, Липки, Нехворощь, Семеновку — в пяти верстах к югу от Бердичева, ст. Демчик и к востоку от Староконстантина.

Если сравним линию фронта на 1-е ноября с вы-

шееозначенной линией фронта на 29 ноября, увидим, что 1) Кавказская армия на правом берегу р. Волги отступила от Черного Яра в район Солодников; та же армия очистила все Заволжье против г. Царицына; на северном участке фронта у Царицына Кавк. армия удерживала в конце ноября примерно тот же фронт, который она занимала в начале ноября; 2) 1-й Донской корпус удерживал фронт по р. Дону; 3) 2-й Донской корпус отошел с р. Хопра и расположился по правому берегу р. Дона от устья Хопра до района г. Богучара, отступив таким образом верст на 80-100; 4) 3-ий Донской корпус отошел в общем верст на 120-150; 5) Конная группа, выравнивая фронт с соседним спра ва 3-им Дон. корпусом и с соседней слева Добровольческой армией, отошла на юг верст на 200; 6) Добровольческая армия отступила вдоль железной дороги Курск-Харьков верст на 220, а по линии Бахмач-Константиноград — отступила верст на 300; 7) в Киевской области антибольшевицкий фронт особых изменений не претерпел.

Таким образом советские войска в течение ноября достигли весьма значительных успехов в общем вдоль железных дорог Курск-Харьков, Касторная-Купянск и Воронеж-Новоочеркасск.

27 ноября командующий Донской армией дал следующую директиву подчиненным ему войскам:

«Комкорам 1, 2, 3 Донских корпусов и ген. Мамонтову, копия Наштам-Кав и Добр. и Наштаглав.

Противник, задавшийся целью достигнуть решительных результатов и перенося центр тяжести борьбы на конницу, ведет удар двумя конными группами: одной на Богучарском, другой на Купянском направлениях. Вместе с конницей продолжает продвижение и пехота, **непроявляющая особых боевых качеств**, и лишь пехотная группа, нажимавшая вдоль Дона на правый фланг 3-го корпуса, проявляет большое упорство. Обе конные группы действуют тоже **очень осторожно**.

Я решил, прикрываясь Доном и недопуская переправы через него противника, по окончании подготовки, разбить Богучарскую конную группу противника, а на Купянском направлении, выждав более благоприятный момент для нашей конной группы, разбить западную группу красных.

Для чего приказываю:

1) Первому Корпусу, недопуская переправы противника через Дон, сосредоточить главные силы ближе к левому своему флангу с целью оказать содействие второму Корпусу.

2) Второму Корпусу, недопуская переправы противника через Дон, привести в порядок свою конную группу, имея целью разбить конную группу противника.

3) Третьему Корпусу, сдерживая продвижение противника на юг, произвести перегруппировку к своему правому флангу с целью оказать содействие своей коннице второму Корпусу при выполнении операции против конницы красных.

4) Конной группе ген. Мамонтова... при первой же возможности перейти в наступление и разбить конницу противника...

7) Принять все меры для внушения войскам, что от выполнения поставленной задачи зависит осуществление намеченного широкого плана нашей победы над советской властью и необходимо выиграть время для проведения всех намеченных мер.

27 ноября 1919 г. 23 часа. №р. 01.197 /К:

Калединск. Ген. Сидорин».

В этом документе очень важным является подчеркивание того факта, что **русская красная пехота не проявляла особых боевых качеств**. Над этой пехотой казачья конница могла бы одерживать победы и теперь — в конце ноября 1919 г.

Большевицкая конница, состояла главным образом из казаков и вообще из уроженцев Казачьих Земель, искавших своего счастья в союзе с русскими большевиками. Без участия казаков и жителей Казачьих Земель большевицкая русская власть не смогла

бы создать таких сильных конных корпусов, каковыми в действительности были корпуса Буденного и Думенко. А именно этим корпусам, как известно, принадлежала решающая роль в боевых действиях конца 1919 г., закончившихся отходом казаков за р. Дон...

Казачество сбилось со своей казачьей дороги: часть его пошла с Россией «белой», а другая часть с Россией «красной». Казаки подняли было Деникина на границы Великороссии, казаки же корпусов Буденного и Думенко привели Ленина в Новочеркасск и в Ростов.

Если бы Казачество блюло только **свои интересы**, если бы оно защищало только **свою землю**, если бы Казачество не разделилось внутри себя, если бы казаки и неказаки Казачьих Земель об'единились и пошли дружными рядами под руководством только своих, **казачьих вождей — патристов**, русская пехота никогда не смогла бы завоевать Казачьи Земли.

Не удивительно, что командующий Донской армии директивой 27 ноябряставил главной задачей казачьих сил — разбить конницу Думенко, сосредоточившуюся тогда в районе г. Богучара, на левом берегу р. Дона.

29-го ноября 1919 г. ген. Деникин дал следующую директиву:

«Противник продолжает наступление на всем фронте Вооруженных Сил Юга России, направляя главные силы к овладению Донецким каменноугольным районом.

Приказываю:

1) Ген. Покровскому, прочно удерживая Царицын, короткими последовательными ударами разбить северную и восточную группы противостоящего противника, не допуская их согласованного наступления.

2) Ген. Сидорину, обороняя линию р. Дона от Качалинской до Казанской, сосредоточить все возможные силы, дабы преградить наступление и разбить противника, надвигающегося на Воронежском направлении.

3) Ген. Врангелю (Добровольческая армия), обеспечивая каменноугольный район, продолжать сосредоточение и перегруппировку войск, имея в виду при первой возможности переход в наступление для обратного овладения Харьковским районом.

4) Ген. Драгомирову, активно обороняясь на левом берегу Днепра, энергично продолжать операцию, чтобы разбить в кратчайший срок правобережную группу красных.

5) Ген. Шиллингу — продолжать выполнение прежней задачи, обратив внимание на скорейшее приведение в боеспособный вид Галицкой армии и на скорейшее окончание операции ген. Слащева против Махно.

6) Ген. Тяжельникову и Эрдели выполнять прежние задачи....

29.-XI.-19. 21 ч. 25 м. №р. 015724. Главком Деникин. Нач. штаба Романовский».

В тот же день 29-го ноября командующий Южным фронтом полковник Егоров дал своим войскам следующую директиву:

1) 12-й армии — овладеть г. Киевом и выйти на ранее указанную линию Казатин-Белая Церковь - Киев, причем левобережная группа должна занять Черкассы-Кременчуг.

2) 14-й армии — занять Полтаву, для чего должна быть использована только что переброшенная в армию 45-я дивизия, а прочим частям наступать на линию Лозовая-Чаплино-Бердянск с задачей **не допустить отхода белых**, оперирующих на левом берегу Днепра, в Донецкий бассейн.

3) 13-й армии (без 9-й дивизии) — наступать на линию Славянск-Юзовово-Ново-Николаевская, имея основной задачей овладение Донецким бассейном.

4) Конармии Буденного с придаными ему 9-й и 12-й стрелковыми дивизиями — стремительным продвижением занять Донбасс (железнодорожные узлы Попасное-Дебальцево-Иловайская) и отрезать все пути

отхода белых в Донскую область; следующей задачей ставилось овладение г. Таганрогом.

5) 8-й армии (без одной дивизии) — овладеть районом г. Луганска.

(Егоров. Разгром ген. Деникина, стр. 212).

Кроме того, 9-я, 10-я и 11-я сов. армии, составлявшие Юговосточный большевицкий фронт, имели преж-

Н. Чебурашкин.

Кто нам нужен?

Вдумываясь в события минувших войн и революций и сравнивая их с примерами более отдаленного прошлого, невольно останавливаешься на вопросе: отчего же эта война не выдвинула у нас ни одного человека с таким крупным военным дарованием, чтобы он сумел своею мощною рукою повернуть колесо фортуны в нашу сторону?

Чего же не хватало нам для этого?

Некоторые утверждают, что у нас не было знаний. На эту тему была даже напечатана в свое время достаточно нашумевшая брошюра одного французского корреспондента, озаглавленная — «Они не знали». Но едва ли будет справедливо приписать все наши неудачи незнанию. Да и правда ли это? Чего-ж мы, собственно, не знали, будучи побеждены большевиками, везде и на всех фронтах?

Во всех этих случаях мы уже вполне хорошо знали своего противника и достаточно ознакомились с условиями театра войны.

Вооружение наше, по крайней мере — не уступало противнику.

Несомненно, что наши офицеры генерального штаба, в громадном большинстве своем, обладали всеми знаниями, которыми располагают офицеры этого рода службы и во всех иных армиях. Но все это принесло нам весьма мало пользы. К тому же, мне думается, что в деле высшего командования войсками одно богатство теоретических познаний еще далеко не предрещает способностей полководца. Все же чисто прикладные сведения можно без труда найти в любом справочном издании по данной специальности. Наконец, крупному военному начальнику, имеющему в своем распоряжении целые штабы специалистов по всем главным отраслям военного дела и военного управления, вовсе нет надобности, да и нет притом же никакой возможности быть самому посвященным во все технические подробности каждой специальности.

Напротив того, увлечение мелочами и частностями могло бы послужить причиной вредных и нежелательных последствий: увлекшийся главнокомандующий мог бы, напр., войти в роль командира осадной батареи или минного офицера, а целая армия осталась бы без общего руководства.

Одною из первых забот главнокомандующего, мне кажется, должно быть внимательное наблюдение за самим собою, чтобы ни в каком случае не размениваться на мелочи, чтобы не разбрасываться и не забывать себе головы вопросами второстепенного значения.

Да не подумает кто-нибудь, что я защищаю невежество: напротив, всякое полезное знание есть сила; но кто же будет отрицать, что можно наизусть изучить историю всех войн от времен Камбиза до наших дней и все же не иметь качества полководца! Можно, при хорошей памяти, сделать из своей головы второе издание справочной книжки и все же теряться не только в бою, но даже и на маневрах.

Само высшее военное образование, конечно, желательно для полководца... Но, бывали величайшие полководцы и без высшего военного образования.

Объяснение этого явления весьма простое: ведь сущность военного искусства сводится к поразительно не сложной формуле, при том же неизменной для всех времен и для всех народов; никакая высшая так-

ние задачи — выход на линию Новочеркасск-Великонижегородская.

Уже одно сравнение директивы ген. Деникина с директивами данными красным армиям, убедительнее всего говорит о том чрезвычайно тяжелом положении, в котором находился весь Южный антибольшевицкий фронт в конце ноября 1919 г.

(Продолжение следует).

тика и высшая стратегия здесь ничего не прибавит и не убавит. Формула эта гласит следующее: чтобы победить своего противника, необходимо в надлежащий момент и в надлежащем месте быть сильнее его. — Вот и все.

Что может быть проще, естественнее и логичнее этого! Поэтому ясность ума и проницательность, доходящая до способности заранее разгадывать намерения противника — вот первое из основных качеств полководца. При наличии этого и теоретические знания имеют свою цену, т. к. они обогащают ум человека опытом предшествующих поколений.

Но этого мало: полководец должен обладать способностью обращать свое желание, плод своего умозаключения, в действие, мысль его должна воплощаться через посредство других людей в живое дело. Судьба народов и участь государств нередко зависят от того, что создает творящая мысль полководца в тиши ночных уединения... Для того же, чтобы все это совершилось, чтобы мысль полководца превратилась в действие, необходимо ему обладать другим основным качеством — **силою воли**. Если в нем качество это есть, то тогда все отдельные люди, составляющие армию, начиная от ближайших сотрудников главнокомандующего и до последнего рядового, стоящего на передовых постах, будут проникнуты дыханием этой воли и явятся не пассивными, а активными деятелями войны. Сила воли вождя и благородство его намерений создает вокруг него атмосферу, в которой будут рождаться герои.

Но если, в силу несчастного стечения обстоятельств, во главе армии окажется человек, хотя бы даже и умный, но безвольный, во всем сомневающийся, не доверяющий ни себе, ни другим и меняющий свои решения, то горе армии и горе стране, имеющей такого полководца!

Полководец должен быть до известной степени фаталистом, — он должен верить в свое счастье и тогда счастье покорно побежит за ним.

Вспомним Юлия Цезаря, как он во время бури, когда кормчий ждал крушения и был в ужасе, спокойно заметил перепуганному моряку: «Не бойся, ты везешь Цезаря и его счастье»..

Полководец должен быть в некотором роде и азартным игроком, способным поставить последнюю свою ставкой все, кроме чести. Всем, кроме чести, он должен суметь рискнуть в деле, где решается судьба отечества. Да разве мало было великих полководцев, которые рисковали собственной жизнью, чтобы создать величие своей страны — как например, маршал Пильсудский!

Сила воли, это качество, которое Густав Лебон называет бесконечно редким среди людей, должно быть в высшей степени присуще полководцу. «Я могу и я хочу» — эти слова должны быть все время в его сознании, когда он приступает к выполнению своих великих замыслов. Только непоколебимая уверенность в себе может обеспечить ему всю подноту телесных и духовных сил в критические моменты войны. И самый умный человек, растерявшийся, утрачивает ясность мысли и приобретает способность делать непростительные глупости. Но твердое убеждение — «я могу и я хочу» — дает человеку силу и в минуту величайшей опасности. Чувство страха вообще не должно быть доступно человеку, стоящему во главе армии.

Итак, железная, покоряющая себе все окружающее воля и ясный проницательный ум — вот то, без чего нельзя быть полководцем. Поэтому и военное искусство может быть названо **искусством воли и здравого смысла**.

При всем том необходимо иметь в виду, что человек обыкновенно является созданием своей среды и своего времени. Героические эпохи народной жизни выдвигают из народных масс эпические фигуры вели-

ких полководцев и вообще великих общественных и государственных деятелей.

Помышляя о судьбах Вольного Казачества и переживая ныне тяжелую, хотя и полную надежд, эпоху начинающегося возрождения, будем верить, что настанет и светлое будущее, которое заставит нас забыть горечь пережитых скорбей — звезда Казачества, помраченная теперь, засияет, как сияла встарь!

Пам'яти К. Л. Бардіжа і його синів

Минуло 18 років, як Кубань втратила одного із своїх найкращих синів — осаула Кіндрата Лукича Бардіжа. Не тільки втратила його самого ще в повному розцвіті сил, але разом з ним і двох його синів-соколів, що подавали великі надії: юриста по освіті, сотника Віанора Бардіжа та студента, хорунжого Миколу Бардіжа.

Було любо бачити разом цих трьох завзятих козаків, типових чорноморців — батька й синів. Батько — поважний, кремезний козак середнього росту, з довгим козацьким вусом, в яскравій, чорній бороді з рідкою в пій сивиною, з замисленім поглядом глибоко сидячих розумних очей. Віанор — невеликого росту, веселий, завсігди готовий на жарт, з одвертим обличчям та часто з іроничною усмішкою на устах. Не дивлячися на свою молодість — йому було щось 25-26 років — Віанор Бардіж виявив себе вже не аби-яким політичним діячем, розсудливим, дотепним речником, і отож зовсім не даремно на з'їзді в червні 1918 р. в Петрограді його було вибрано членом Совета Союзу Козачих Військ, а на Кубані — членом Кубанської Ради та членом правителства Північно-Східного Союзу від Кубані. Микола Бардіж — ще зовсім юнак, високий, стрункий як тополя, з прекрасними задушевними очима, на людях мовчазний, по юнацькому соромливий. Од всіх трьох віяло інтелігентністю, чи вірніше сказати — культурністю. І тож справді вони троє — батько й сини — були людьми дійсної культури. Всіх трьох їх водночас скосила смерть руками бельшевицьких катів в день 3 (23) — III — 1918 р. в Туапсе на Чорноморському побережжю.

Перед розстрілом, коли на баржі-тюрмі, пришвартованій до Туапсинського молу, відбувалася мерзотна комедія «ревлюційного суду» над Бардіжами та кількома офіцерами, що їх було захоплено у полон разом з Бардіжами, Кіндрат Лукич із слізами на очах м'явив, благав катів розстріляти тільки його самого та дарувати життя його синам і останнім полоненим, бо ж це він, мовляв, був винний в тому, що затяг їх всіх до боротьби проти бельшевиків. Але то була даремна спроба з боку батька-козака спасті своїх любих дітей та вірних друзів. На мслу їх всіх було розстріляно та скинуто до моря. А щоб тіла не спливли на поверх, до ніг їм було поприв'язувано «грузила» з каміння й заліза.

Але козацьке море все-ж віддало, повернуло Бардіжів по принадлежності Кубані. Воно викинуло їхні тіла на берег, де їх і було поховано руками кубанських офіцерів. Коли ж Кубанський уряд в осені 1918 р. повернув до Катеринодару, їхні останці було розшукано та з почестями поховано на Катеринодарській Єріпостінній площі біля собору. Мабуть, кістки їхні спочивають і нині там, хоч ми того не певні, бо ж бельшовики і на мертвих мстяться, і їм не дають спокою. Адже ж знаємо, як вони знуцалися над тілом ген. Корнилова, коли, розривши його могилу в Німецькій кольці на Г. нурі, привезли його тіло до Катеринодару спеціально для наруги... Але, де б не лежали тлінні останці Бардіжів, козаки однаково й на віки вічні будуть шанувати пам'ять старого кубанського степового орла батька Кіндрата і

двох орлят Віанора й Миколу Бардіжів. Слава їхня козацька не вмире, не поляже!

«Буде слава славна
«Поміж козаками
«Поміж друзями,
«Поміж рицарями»
(З українськ. народн. історичної пісні).

* * *

Кіндрат Лукич народився в Катеринодарі 9 (23) березня 1868. Ділі завгодно було зробити так, щоб смерть свою він прийняв саме в день свого народження, коли йому сповнилося ріно 50 літ. Родина К. Л. з діда-прадіда належала до козаків станиці Брюховецької — раніше славнозвісного запорозького куріння Брюховецького.

Чився К. Л. в Катеринодарі в Кубанській Військовій гімназії. Військовою ця гімназія називалася тому, що на її удержання гроші давали Кубанське Військо, а була це звичайна клясична гімназія. При гімназії був пансіон (бурса) на 100 учнів, удержання теж на кошти Кубанського Війська; крім пансіонерів, було в гімназії ще не менш 200 учнів «своєкоштних», козацьких і некозацьких дітей. До пансіону приймалися діти кубанських офіцерів і чиновників, звичайно з тих родин, що жили поза Катеринодаром.

Кіндрат Лукич був пансіонером, стипендіатом Кубанського Війська. Кінець 70-х і початок 80-х р., коли К. Л. був учнем Кубанської гімназії, відзначалися ще лібералізмом в педагогічній області. Учні гімназії користалися тоді свободою, про яку потім гімназисти могли лише мріяти. Отож, скажімо, пансіонери старших класів, починаючи з 5-ої, могли вільно виходити в місто поза годинами клясного навчання; поведінка їхня поза гімназією не контролювалася; вони могли збиратися, разом читати, складати гуртки самоосвіти, гуртки співу, музики; потроху займалися й політикою. Але вже скоро після затримання царя Олександра II (р. 1881) скрізь на території Росії та в усіх сферах життя запанувала жорстока реакція. Це, розуміється, відбилося і на школах високих і середніх. Проголошувалася похід проти «кухаркініх дітей» — дітей не дворянського і не чиновничого походження; їм, мовляв, не мусить бути місця в гімназіях і університетах. В гімназіях заводяться строгості, напіввійськова дисципліна, «козиряння» начальству, ставання «во-фронт» перед генералами, запроваджується з боку педагогічного персоналу догляд трохи не шіонський за поведінкою учнів поза гімназією...

Для наведення нових порядків в Кубанську гімназію було призначено нового директора д. с. с. Казимира Казиміровича Вандалковського, що твердою рукою скрутив молоду кубанську вольницю. Гімназисти того часу як курйоз згадують про те, яку війну повів новий директор проти... усів і борід у гімназистів, а деякі хлопці мали таки добри козацькі вуси, бо були іноді зовсім дорослі люди, з 3-4 класів прямо йшли до юнкерської школи або, залишаючи гімназію із за «тихих» успіхів, зразу ж женилися, плодили й розмножали козацьке племя.

Реакція тих часів мала безпосередній вплив і

на долю К. Л. Бардіжа. Вчився він добре; був серйозним, розвиненим, багато читав. Але він був учасником одного гімназійного гуртка, на чолі якого стояли гімназісти Романченко (в 1900-х р. р. досить відомий громадський діяч в Ростові н.-Д) і Юшко (опісля відомий на Кубані ветеринарний лікарь). На сходинах цього гуртка звичайно читалося Бокля, Спенсера, Дрепера, Чернішевського, Цісарева й ін., нерозважно, по-юнацьку зачіпалися іноді й політичні питання. Але то ще були занадто молоді хлопці (16-19 років), щоб в цих розмовах було б щось небезпечне для тодішнього державного устрою.

Однак, треба ж було так трапитися, щоб під цей саме час відкрито було підготовку на убийство Олександра III та щоб цей замах організував студент Андреюшкін, що два роки перед тим закінчив Кубанську Військову гімназію і що як раз був одним із «кухаркініх дігей». Андреюшкіна тишком-нишком повісили, але на Кубанську гімназію звернули особливу увагу як на розсадник ніби-то ненадійних, революційних елементів. Романченка та деякого з його товаришів було заарештовано за організацію нелегального гуртка, а кінець-кінецьм було виключено із гімназії без права на закінчення середньої школи 12 учнів 6 й 7 клас за участь в гуртці.

В числі виключених був і учень 7-ої класи К. Л. Бардіж. Для нього це була катастрофа, бо було розбито його надію на можливість одержати високу освіту. Отож в цей спосіб він, 17-літній юнак, вперше познайомився з тим, що в ті часи звалося політикою і за що каралося власне дітей. Очевидно, в діяльності гуртка нічого серйозного для існуючого державного ладу не було, бо один з верховодів гуртка А. В. Юшко без перешкод вступив до ветеринарного інституту, а К. Л. Бардіже-ви на слідочий 1886 р., коли йому сповнилося 18 років, прийшloся піти до Ставропольської козацької юнкерської школи, яку він і закінчив р. 1888.

* * *

На військовій службі К. Л. залишався 12 років, але з того майже 4 роки, під час перебування в два прийоми на льготі на Кубані, він виповнював військово-адміністративні функції участкового начальника. А це дало йому можливість близче ознайомитися з господарським станом і адміністративним устроєм Кубані, зокрема Чорноморщини. Тут на власні очі, він бачив дефекти в організації станичного життя, болячки й скорботи, що роз'їдали назагал дуже здорове фізично й морально козацьке тіло. Думка якось-то допомогла своєму народові вибрести з темпери та пригніченості, в яких держав московський централізм козацтво, цілій час тривожила душу молодого народолюбного козака-офіцера.

Нема сумніву, що при вдачі Кіндрата Лукича підходить до всякого діла з добросовісностю та розсудливо, при його великій працездатності та талановитості, він міг би зробити порівнюючи добру кар'єру і на військовій службі. Але ця ка-

р'єра його не захоплювала, бо по натурі своїй він був людиною громадською, політичним діячем. Його притягала до себе робота продуктивна, творча праця, що давала б позитивні наслідки для близьких, для людства, для станиці, для свого Краю, для держави. При першій же можливості він виходить (р. 1900) по Війську (в запас) і сідає з свою родиною в рідній Брюховецькій станиці на господарство, яке й починає вести в досить великому маштабі і на нових культурних началах. Але це його не цілком задовольняє і він стає до безпосередньої громадської роботи, поки-що на невеликому полі: року 1903 Брюховецька станиця вибирає його своїм станичним отаманом.

Треба сказати, що була одна із великих і багатьох чорноморських станиць. Людності було в ній в той час понад 25.000 душ. Отже, доброму хазяйнові тут було над чим попрацювати. На західно-європейський маштаб є це середнє місто (город). Станичний отаман разом був тим, чим в місті є городський голова (мер) і начальник поліції, а крім того на ньому лежав обов'язок справки, підготовки й виряжання молодих козаків на службу. В такій станиці, як Брюховецька, самих дітей шкільного віку, для яких треба було мати школу й учителів, числилося більш як 2.000. Кіндрат Лукич з великим захопленням віддається цій новій для нього праці та скоро набуває слави доброго отамана-господаря.

Інтересно тут занотувати, що в 1890-х—1900-х р. р. на Чорноморії з'явилася ціла низка видатних отаманів, добрих хазяйнів і громадських діячів: б. учитель Кочевський, б. писар Кислій, Гурбич, Самійло Макаренко, Крижановський, Павлоградський та ін. Ця нова генерація отаманів не дбає лише про точне та безвимовне виповнення наказів начальства, але й виявляє власну ініціативу на полі господарському і культурному. Вони організують великі «общественні запашки», а дякуючи цьому бюджети станиць розростаються до десятків, іноді ж і до соток тисяч карбованців; відчиняються школи агрономічні, ремісничі, технічні, де-інде навіть прогімназії, гімназії й реальні школи; будується для шкіл і народніх домів чудесні будинки, модерні общественні магазини для сипки зерна, цегельні заводи, парові млини; купується общественні парові молотилки, заводиться станичних породистих бугаїв, жеребців, баранів; в сільське господарство починає впроваджуватися правильний плодозмін, травосів і ін. То була пора, коли, почався надзвичайно бистрий економічний-культурний розвиток Кубані, скоро однак припинений приходом большевизму, що мається на довгі роки та капітально зруйнував господарство Кубані, зробивши з цієї благодатної країни край голоду, страждань, смутку й плачу.

Для розвитку своєї батьківщини Кіндрат Лукич він і свою та ще й не малу ленту, як станичний отаман, а ще більше — як депутат Державної (Государственной) Думи.

(Продовження далі).

БОРЬБА ЗА КАЗАЧЬЕ «ПУШЕЧНОЕ МЯСО» ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Советские газеты, а особенно ростовский «Молот», продолжают поход за казачьим «пушечным мясом». О какомнибудь изменении общей политики со стороны оккупантов по отношению к Казачеству нет и речи. Вопрос простой: ко всем тяготам прибавляются новые — как мы это уже и говорили — двойной урожай и защита социалистического отечества, постепенно превращающегося в отечество Российской. Хотя движение «воронцовских кавалеристов» перекинулось уже и к Оренбургцам, трудно все же еще сказать, как широко захватило оно казаков. Пока только видно, что стараются товарищи с агитацией и «поощрением» больше, чем добросовестно. Вопрос о завоевании Казачества на «новое дело» поставлен, очевидно, серьезно. По советской прессе чувствуется, что казаки большевикам нужны.

В следующем номере дадим более подробный обзор того, как «мягко» пробуют стать сейчас казакам оккупанты.. Как пришлось бы потом спать — это мы знаем наперед...

Чтобы понять «виды», какие имеют сейчас московские товарищи на казаков, надо обратить внимание прежде всего на внешнюю ситуацию СССР. Но еще вопрос: совпадают ли большевицкие надежды на казаков с надеждами самих казаков, идущих сейчас на встречу «новому курсу» советского правительства? Не имеют ли казаки своих собственных взглядов на открывающиеся перед ними «новые возможности»?

И. Билый.

† Иван Михайлович Назаров

В ночь с 12 на 13 февраля с. г. в Кральево (Юго-славия) покончил с собой (выстрелом из револьвера) наш постоянный сотрудник, вольный казак, ВВД войсковой старшина **Иван Михайлович Назаров** (братья покойного Донского Атамана Анатолия Михайловича Назарова).

Ушел от нас горячий патриот Казачества. Ушел от нас поэт-публицист, пламенный казачий трибун...

Иван Михайлович родился 26 августа (по старому ст.) 1874 года в хуторе Жуковом, станицы Филоновской, где отец его, Михаил Андреевич Назаров, был тогда учителем. Пяти лет И. М. отвезли в ст. Константиновскую к деду его — Андрею Артемьевичу Назарову — по прозванию «Правда». Здесь он окончил сначала приходское училище, поступил в окружное, но потом перешел в Донской корпус в Новочеркасске. По окончании корпуса, поступил в Николаевское кавалерийское училище, которое и окончил в 1894 году, будучи произведен в первый офицерский чин.

Служил Иван Михайлович во 2-м Донском казачьем полку, потом — в 13-м, потом — в первом, 1-го августа 1914 г. вышел на германский фронт, как командир 2-й сотни 35-го Донского казачьего полка.

В ноябре того же года, во время ночной разведки в окрестностях Лодзи, под И. М. Н. был ранен конь. При падении коня Иван Михайлович получил растижение «пахового кольца» и был отправлен в госпиталь в Варшаву. Через четыре месяца получил свидетельство 4-й категории и вышел в конский запас, как признанный неспособным к строю.

Революция застала И. М. в районе Риги командиром 264-го транспорта. Вскоре, под угрозою большевизма, он вынужден был бежать от «товарищей». Бежал, конечно, на Дон. Через 18 дней добрался в станицу Константиновскую — что называется — «без ничего», с одним револьвером в кармане. Здесь записалася в офицерскую дружины, а 6-го февраля, под его командой, Константиновская пешая дружины выступила в Новочеркасск. Пришли они туда 9-го, а на второй день дружины пригласили И. М. к себе для выработки правил «условной дисциплины» и «выбора начальников». В ответ на это И. М. отказался от командования совсем.

11-го февраля, по приказу брата, И. М. назначается в отряд подъесаула Бокова. На следующий день утром он прибыл в отряд, где должен был получить деньги на лошадь. Но только в 12-ть часов дня командир, сядясь на коня для выхода в поход, дал ему те деньги. И. М. бросается на окраину города, где на кануне приторговал лошадь. Но хозяин скрыл лошадь и сам скрылся. И. М. нашел другую, но за нее потребовали уплатить золотом. Попробовал применить реквизицию, но было уже поздно — хозяин начал сывать «местных». Только отстреливаясь из револьвера, удалось Ивану Михайловичу скрыться. Так он остался в городе...

Это было в три часа дня, а в четыре, в тот же день 12-го февраля, в Новочеркасск вошел Голубов...

На седьмой день И. М. был арестован — «по доносу». Но ему помог бежать станичник его, занимавший у большевиков ответственный пост и выдавший И. М.

«проходное свидетельство» для проезда в Харьков.

В мае Иван Михайлович снова на Дону. Как «несстроевой», он был назначен на должность старшего офицера Ростовского комендантского управления. Там служил до эвакуации Ростова, а в Крыму, по приказу «о возрасте», с чином войскового старшины, вышел в отставку.

Дальше — заграница. Тяжелая эмигрантская жизнь

Четыре года тому назад он писал мне так: «Живу сейчас, борясь с лишениями, в безисходных условиях... Живу, быть может, лишь единственно потому, что твердо верю, что эта наша величайшая казачья беда, разразившаяся над нашими головами, до капли выпьет нашу кровь, но она же и выкует в нас ничем неудержимое решение идти на все во имя спасения родины, не считаясь ни с чем и ничего не жалея... Верю также, что долг сынов свободы обединит нас всех, — все поймут, наконец, что нет других путей к настоящей казачьей жизни и правде, как только путь Вольного Казачества... — Разброд идей, пропагандируемый нашими врагами, как и разброд наших фронтовиков в начальную пору большевизма, изживется и пройдет, как угар... Все «очумаются» и станут под одно знамя. И тогда закипит настоящая активная борьба с супостатом, из кровавых рук которого будет вырвана казачья воля... — Много воды утечет, быть может, до этого. Много нужд и тоски придется изведать казакам на чужбине. Но все же воля придет и Казачество будет свободным... — Этой верой живу я и буду жить, пока горит в душе, как ночной костер, огонь любви к моей родине и расплзаются во все стороны от него, как степные змеи, мои мысли о бунте воли... Только ожиданием этого бунта и возможностью умереть на родной земле — живу я. Если изверюсь — сам позову смерть и умру сам, ибо если человеческой жизни без цели нет — нет казачьей жизни без воли...»

— Очевидно, первы Ивана Михайловича в ночь под 13 февраля не выдержали... Великий «бунтарь» не помирится с черной действительностью настоящих дней. Но что решил он своей смертью?

Трудно судить мертвых. Все же должен сказать, что если иногда отдельный человек и может решить свой вопрос так, как решил его Иван Михайлович, целый народ так своего вопроса решить не может. Мы должны жить и бороться, бороться и жить. Казачество должно добиться своего. Не сдавать своих позиций, а отвоевать и те, что временно заняты сейчас врагом — вот наша задача. Не падать духом, а поднять его выше всяких невзгод, выше самой смерти — таков сейчас приказ времени и доли казачьей...

Иван Михайлович Назаров вошел в историю Казачьего Освободительного движения ярким именем. Такие имена не забудутся.

Вдохновенные произведения Ивана Михайловича — душа его. Эта душа будет с нами. Будет она и с будущими казачьими поколениями.

Склоним же свои головы перед памятью поэта — великого казачьего патриота.

Нас стало одним меньше — выше головы поднимем перед лицом врага!

Памяти Б. А. Кундрюцкова

В БОРЕ.

Вольно-казачья имение Н. С. Ряболова станица в руд. Бор в третью годовщину преждевременной смерти певца казачьей Воли Б. А. Кундрюцкова отслужила панихиду, после которой состоялось траурное заседание.

Атаман станицы И. М. Черкашин, открывая заседание, пригласил всех встать и почтить память бессмерт-

ного казачьего поэта трех-минутным молчанием. В своем слове атаман подчеркнул, что «со смертью тела Бориса Александровича не умерла его душа, с нами вечно пребывающая. Не умер его дух в сердцах его соратников — вольных казаков в тяжком изгнании.. Рассеянные по разным странам света, мы должны все обединяться около светлых имен наших истинных борцов за казачье право»...

Речь атамана была покрыта громким «Слава єму, Слава нашему Певцу!»

Станичник **С. Мальтыз** прочитал несколько произведений поэта, в которых Б. А. поет о славе и Воле Казачества. В души вольных казаков вливались бессмертные слова поэта, слова любви к родному Краю, родной необъятной степи...

Светлый образ баяна казачьего народа живет среди казаков и вдохновляет их на священную борьбу за вковое право степного рыцарского народа — казаков.

В СМЕДЕРОВО.

В день смерти нашего казачьего поэта Бориса Александровича **Кундрюцкова** 15 февраля с. г., станица устроила траурное собрание, посвященное его памяти.

Открыв сбор, станичный атаман предложил собравшимся почтить память покойного казачьего поэта трехминутным молчанием.

Затем станичный атаман прочитал краткую биографию Бориса Александровича из номеров журнала «ВК» и указал на то, что у нас, Смедеровцев, в особенности, Борис Александрович пользуется особой любовью. Он первый зажег в нас вольно-казачью искру и указал нам казачью дорогу. Он вывел нас на прямую казачью дорогу, которая шла к казачьему кораблю, стоявшему тогда на якоре в г. Праге, как говорил покойный, с которого раздавалась призывный звон казачьего колокола, звуки которого летели во все страны света, неся казакам казачью правду, открывая и указывая им свою шлях-дороженьку. Вместе с тем звуком казачьего колокола прилетел к нам, Смедеровцам, и покойный Борис Александрович и повел нас той казачьей шлях-дороженькой к ВК центру, казачьему кораблю...

Затем станичный атаман прочитал несколько стихотворений казачьих поэтов из журнала «ВК», посвященных его памяти.

Станичный писарь **А. Дейнега** прочитал несколько стихотворений покойного Бориса Александровича.

Станичник **Гнилозуб** рассказал о первом посещение Бориса Александровича Смедеровцев.

— Наибольшую память и уважение нашему казачьему поэту, мы докажем тем, что будем всегда идти той дорогой, на которую он нас направил. Его имя вечно будет жить среди Казачества, — закрывая траурное собрание, сказал станичный атаман.

В КОЧАНЕ.

В воскресенье, 16 февраля с. г., Кочанская в.к. имени Н. С. Рябовола, станица почтила память в.к. поэта **Б. А. Кундрюцкова**:

Председательствовавший атаман станицы **П. Н. Свирский**, сообщив сбору о том, что накануне исполнилось три года со дня смерти баяна ВК, Б. А. Кундрюцкова, предложил собравшимся почтить его память вставанием и 3-х минутным молчанием. Благоговейно, склонив головы, стояли казаки с грустным выражением лиц перед столом, на котором лежал журнал «ВК», открытый на странице с фотографией покойного.

Затем станичный писарь **С. М. Бобрышев** вкратце поведал казакам биографию покойного и о том, как много потеряло ВК от преждевременной смерти Б. А. Кундрюцкова, который служил всем своим существом примером того, как надо любить свою казачью родину, и жизнь которого прервалась в расцвете его творческого таланта.

После этого С. М. Бобрышев прочитал из журнала «ВК» статью, посвященную редакцией памяти покойного. Затем прочитал 4 стихотворения покойного: «Порыв», «Вольные казаки», «Дону» и «Погибшим в плавнях». Прочитал так же и 2 стихотворения, посвященные покойному нашими поэтами. Одно — «Песня в память Б. А. Кундрюцкова» — П. С. Полякова и другое — «На смерть Б. А. Кундрюцкова» — И. М. Назарова.

На этом часть сбора, посвященная памяти ка-

зачьего поэта Б. А. Кундрюцкова, закончилась.

Затем станичный писарь огласил сношение окружного атамана Н. Ф. Букина, в котором, между прочим, значилось, что хутор, ввиду увеличения количества казаков переименован в станицу. Это переименование казаки приняли с большой радостью.

Согласно распоряжения окружного атамана были прочитаны, заранее отобранные атаманом и писарем станицы статьи из журналов и книг, первой из которых была прочитана передовица из № 54 журнала «Казачество». Чтение таких статей из старых журналов специально подобранных, сопровождаемое комментариями, произвело благоприятное действие. Это можно было заключить из того, что казаки и после окончания повестки дня, просили прочитать еще что нибудь... (Соб. кор.).

В КРАГУЕВЦЕ.

15 февраля 1936 г. Крагуевацкая в. к. имени А. И. Кулабухова, станица устроила траурное заседание по случаю 3-х летия со дня смерти казачьего поэта — певца ВК, Бориса Александровича **Кундрюцкова**.

Заседание было назначено в кафане «Дымчева» в 5 часов вечера. Были приглашены украинцы, горцы и все казаки, без различия их убеждений. Собрались и все члены станицы. Пришли и гости: есаул, горец, князь Крым-Шамхалов, казаки: Иван Куприянов, Павел Куропатников и русский капитан М. М. Сивохин и др.

В пять с половиной часов станичный атаман И. Билоус просит занять места. Когда все уселись, он сказал: «Дорогие братья! Т. к. всякое в.к. собрание открывается пением казачьих гимнов, то прошу встать и пропеть их».

После пения, станичный атаман читает бюллетень № 5, после чего говорит: «Дорогие станичники, сегодня исполнилось ровно три года со дня смерти нашего молодого поэта-певца Б. А. Кундрюцкова. Покойный ушел в лучший мир, а нам оставил свой нерукотворный памятник — его стихотворения, напечатанные в журнале «ВК», которые служат документом его стремлений и любви к казачьему народу, а посему прошу память покойного почтить вставанием и трехминутным молчанием».

Затем помощник станичного атамана **А. Горский** напомнил казакам об украинском поэте Шевченко, вспомнил о Гоголе, давшем типичную фигуру запорожского казака в лице своего Тараса Бульбы. Вспомнил о Сухорукове, Романе Кумове, Федоре Крюкове. Вспомнил его патриотическое произведение — «Родимый Край», где говорится... «за честь отчизны, за казачье имя... волнуется, шумит наш тихий Дон... Родимый Край...». А сейчас скажу несколько слов, говорит он дальше, о нашем покойном патриоте — молодом поэте Б. А. Кундрюцкове. Далее говорит о его детстве, учении в корпусе, о любви к казачьему народу, которую он выразил в своих произведениях.

Потом были прочитаны произведения покойного. **А. Горский** читает «100 номеров «ВК», **А. Пальчик** — «О последнем закате», станичный атаман — «Смеются пусты, камни бросают» и «Романс», **И. Картамышев** — «О прошлом» и **В. Духнай** — «Гимн Казакии».

После чтения стихотворений **А. Чекин** говорит: «дорогие станичники, в 1929 году я был в Белграде у покойного Б. А. Кундрюцкова, который мне говорил о нашем казачьем национальном движении. В то время враги ВК движения, как акулы, открывали свои рты, чтобы проглотить его. Но они ошиблись. Б. А. сказал: «наше ВК будущее будет красою вечною сиять». Братья казаки, говорю вам, что когда бы я с покойным ни встречался, всегда он мне твердил одно, что мы казаки и имеем право на самоопределение, т. к. у нас народ есть и земля есть и мы имеем право жить самостоятельно, как и другие народы».

Дальше говорил станичный казначай **Д. Хайлой**: «Дорогие станичники, говорит он, о покойном Б. А. говорило уже трое: станичный атаман, его помощник Горский и ст. А. Чекин, но т. к. он заслужил, чтобы о

нем говорило все Казачество и говорило громко, вслух, то я, как казак, не могу умолчать, скажу и я несколько слов. Сегодня исполнилось ровно три года, как скончался сын Тихого Дона, казак ВВД, великий патриот и поэт Б. А. Кундрюцков. Три года тому назад Казачество потеряло наилучшего сына, казака патриота, любящего свою родину Казакию. Мы потеряли поэта, который всю свою жизнь только и мечтал о своей родине Казакии, для нее только и работал. Всю свою молодость отдал на служение Ей, отчего и умер. Он душой болел по Ей, он Ее страстно любил и те душевные переживания сломили его молодую душу. Он в своих стихах воспел красоту наших степей и станиц. Он учил нас, как надо любить свою родную землю, любить свою казачью национальность. Он призывал всех казаков стать в ряды ВК. Он пробуждал в нас национальный дух. Он, умирая, сказал: «Мне не жаль, что я умираю, я не жалею жизни. Мне одно обидно, что казаки все еще не поймут свое национальное движение и не станут в наши ряды. Обидно, что казаки все еще думают о России, а о своей национальности не хотят знать. Мне жаль, что не могу видеть мое казачье государство, Казакию, и не могу там, на родной земле, с пикой на коне вихрем пролететь по родным степям. Для меня будет утеша и вечный памятник, если все казаки, поймут и, как один, станут в наши ряды и создадут свое свободное государство Казакию». После неожиданно поднялся до пояса и сказал свои последние слова: «Эх ты, доля казачья!» опустился и закрыл глаза. Навсегда закрыл глаза наш поэт националист и патриот. Умер тот, кто своим первом подымал в нас дух казачий. Тот, кто в наших сердцах разжигал искру национализма. Плачь Казачество, ибо ты потеряло наилучшего сына, патриота и поэта Казакии. Да, он умер, его похоронили, но дух его не умер. Дух его остался между нами. Его дух бывает во всех уголках земного шара, где только есть казаки. Дух его об'единяет нас и укрепляет малодушных казаков. Слышишь вы его? Он здесь, он говорит: «казак, не стыдись своего имени, стань, наконец, в ряды ВК и всем открыто скажи: я, — казак, казаком и умру. Так давайте же, братцы, поклянемся его тени, что мы гордимся казачьим именем. сокнем ВК ряды и за твои труды памятник — казачье государство Казакию — тебе мы создадим».

Дальше говорит станичный атаман: «Станичники, обратите внимание на все печатные органы, выпущенные русскими. А сколько вышло в свет казачьих печатных органов? Вот «Кавказский Казак». Что он сказал казаку о Казачестве за время своего существования в эмиграции? Да ровно ничего, ибо он далеко стоит от казачьей дороги. В нем только писалось о сборе денег в фонд освобождения родины (какой?), на поездку в Америку, производства и клевета на истинных патриотов казачьих, которые сотрудничают в журнале «ВК», пробивая дорогу казачьему народу. На этом, если не ошибаюсь, он закончил свою жизнь и не весьма почтенную деятельность.

Журнал «ВК» открыл Казачеству глаза, что оно есть особый народ, имеющий свой уклад жизни, обычай, быт и нравы и жившее до Петровских времен самостоительными республиками. Журнал этот об'единяет казаков, вдохновляет в них вольность предков своих и дает казакам политическое образование. Все произведения, стихотворения, написанные нашими молодыми поэтами, глубоко проникнуты национальным духом и преданностью своему родному народу и Краю. Многие стихотворения заставляют читателя

невольно задумываться и уронить слезу, выталкивающую пробуждением патриотизма. И казаки, прочитав несколько патриотических произведений становятся вполне вооруженными духовно и готовы в любой момент отдать свои последние физические силы на благо родины, не щадя своей жизни.

На этом, станичники, наше траурное собрание заканчиваю и об'являю 15 минутный перерыв, после которого разберем несколько общественных вопросов и почитаем журнал».

После перерыва, разобрав станичные вопросы, приступили к чтению журнала. Читали станичный атаман и станичный писарь. Казаки были очень заинтересованы всем прочитанным, а особенно вызвало много смеху, когда читали о том, как русские соколы выставили из своей среды ген: Науменко. Этот инцидент должен был показать ген. Науменко, что ему с русскими не по пути. Русским казакам это тоже следует запомнить.

После чтения журнала князь Крым-Шамхалов попросил слово и говорил о необходимости союза кавказского народа с казаками, о будущем союзе всех народов, национально мыслящих и страдающих ныне под советской властью...

Дальше попросил слово русский М. М. Сивохин. Он сказал: «Братья казаки, мы точно такую же долю переживаем. Что вы, казаки, имеете право на самостоятельность я, как демократ и русский патриот, с вами согласен. Много ошибок делало наше правительство по отношению народов, населяющих российскую территорию. Я, как участник кубанского похода, видевший казаков на первом месте в белом движении, могу только сказать, что они действительно заслуживают право на свободу и могут, согласно их истории, устроить свою независимую жизнь так, как им удобно. Все те недоразумения, которые происходят между казаками и русским народом, раз и навсегда должны быть вычеркнуты из русской истории, а в будущем мы должны жить в добром соседстве и поддерживать друг друга, защищая каждый из нас свои права..

Заканчивая свою речь, он подымает тост за Попадного Атамана ВК, желает ему здоровья и крепких сил, а также и всему ВК, желает, как можно скорее достичнуть своей цели. Слава Казачеству!

Посыпались бурные аплодисменты...

Казаки в веселом настроении, в дружной семье, с казачьими песнями провели остаток времени.

Слава Казачеству!

А. Пальчик.

В ВАЛОКОНЫЕ.

15 февраля с. г. в.к. куринь в Валоконы, по случаю трехлетия со дня смерти певца ВК Б. А. Кундрюцкова, собрался почтить память покойного поэта и борца за казачью свободу.

Ввиду того, что заброшенные судьбою в далекую глуши станичники не имели в свое время в.к. литературы с произведениями покойного, заседание ограничилось отданием ему почести вставанием.

Волоконский куринь, достигший в настоящее время численностью до размеров хутора, создан всего лишь несколько месяцев тому назад. Стараниями окружного правления была отыскана в глуши эта группа казаков и организована в в.к. национальную единицу.

Для ознакомления с жизнью и деятельностью покойного певца ВК, окружное правление выслало куринию соответствующую литературу.

(Соб. кор.).

По инициативе французского военного министерства вопрос об обязательной воинской повинности для эмиграции снят с очереди. — Это, конечно, не значит, что он в том же или ином порядке вновь не станет на очередь дня при изменившейся обстановке.

Французская палата депутатов приняла правительственный законопрект о ратификации женевской конвенции 28 октября 1933 года, касающейся правового положения эмиграции во Франции. Если ту же конвенцию утвердит и Сенат, она станет законом. В свое время мы познакомим своих читателей с этой конвенцией более подробно.

Казачья эмиграция

В. К. в Польше

ПО ВК ОКРУГУ

1. Ввиду приближения времени созыва первого Окружного С'езда ВК в Польше, всем организациям ВК следует поспешить с легализацией на местах.

2. На с'езде будут иметь решающий голос только те лица которые будут выбраны станичными, хуторскими и куренными сбарами. Эти лица получат от вр. Окружн. Правления специальное удостоверение, с которым делегаты и должны явиться на с'езд.

3. Лица, которые не будут иметь таких удостоверений на Окружной С'езд, допущены не будут. Поэтому станичные, хуторские и куренные атаманы копии приговоров о выборе делегатов на с'езд должны своевременно прислать мне.

Подлинные приговоры делегаты должны иметь при себе.

Вр. и. д. Окружного атамана

Инж. Ф. Штовхань.

В ТОМАШУВКЕ

Походному Атаману ВК И. А. Билому.

1-го марта с. г вольные казаки, проживающие в посдае Томашувке, собрались в квартире С. Скакунова и на частном собрании решили: организовать в. к. хутор, а может быть и станицу имени ген. Мамонтова и этим самым дать возможность расширить ВК идею по всем прилегающим окрестностям, где только проживают казаки. На собрании каждый казак высказал свое желание и дал обещание, что будет стараться возможно скорее найти всех станичников, устно или письменно связавшись с ними, и пробудить их идею ВК от 15-тилетнего крепкого сна. Ведь много наших казаков до сего времени ничего и не знали о казачьем деле, потому что разбросаны по глухим местам и всеми забыты.

Теперь «Черный Всадник» и здесь, в Польше, пробуждает спящих. Станицы и хутора быстро растут.

Все изложенное нами, вольными казаками, убедительно просим Вас, г. Походный Атаман, не отказать напечатать в нашем уважаемом журнале и тем самым зарегистрировать нас в вольноказачью семью, которую Вы, как умелый руководитель, во уже несколько лет ведете по казачьей дороге.

От всего сердца желаем Вам много сил и крепкой воли — довести начатое великое ВК дело до конца, чтобы мы, возможно скорее, увидели бы свой дом, родных и близких.

Да здравствует ВК! Да здравствует Казакия! Слава Казачеству!

Подписали: под'есаул С. Скакунов, подх. М. Погожев, подх. Н. Дударев, подх. В. Бобров, хор. М. Молоканов, ст. ур. Е. Каргальков, подх. Ф. Калмыков, каз. И. Анистратов и мл. ур. Ф. Какорин. Все казаки Донского Войска.

КАЗАКИ В ПОЛЬШЕ.

Мы, казаки, попавшие в Польшу, несравненно больше пережили на берегу Черного моря, как арьергард отступавших казачьих армий в 1920 году, чем наши братья, успевшие переехать в Крым. Они, переехав в Крым, имели возможность привести себя в порядок и немного отдохнуть. Мы же были лишены этой возможности. Всего пережитого описать нельзя, но момент перемены из казаков в «красных», для нас был самый ужасный. Сильные, волевые люди, хотя и чувствовали себя упнетенными, подбадривали более слабых: «Бог не без милости, а казак не без доли». Не теряли надежды, что выберемся из неволи.

Зато мы меньше пережили, чем наши братья из Крыма, когда мечты наши сбылись и мы выбрались из неволи. Нам не пришлось долго отдыхать и на территории Польши. Нас скоро бросили против той же армии, с которой мы месяц тому назад шли громить

Польшу. Против красных мы были брошены, согласно нашего же желания, т. к. там много еще осталось наших братьев.

Еще перед выступлением на фронт от нас были высланы специальные пропагандисты, которые разъезжали по району 1-й конной армии. Результат пропаганды был, как известно, тот, что ряды 1-й армии редели, а наши пополнялись, а потом мы же, в составе группы ген. Краевского, разбили ту армию, которая, вместо победоносного вступления в Варшаву, откатилась к Черному Острову для «нового формирования».

Нам было легко и на территории Польши и очень скучны были наши надежды, в особенности в то время, когда Польское правительство приняло предложение советов о перемирии, а наши казачьи полки влились в состав какой то 3-й русской армии, в которой не видно было ни одного русского солдата.

Но, будучи интернированы, мы не были вывезены на о. Лемнос, как наши братья из Крыма. Мы были расквартированы в богатых населенных пунктах, имея с собой лошадей и холодное оружие.

В Польском штабе долго решался вопрос, что с нами сделать: расставить ли на границах, или отправить в лагерь интернированных. И если Правительство решило или было вынуждено по политическим соображениям отправить нас в лагерь, то оно поместило нас в лучших казармах, где у них сейчас помещается военное училище (школа подхорунжих). Наша лагерная жизнь нисколько не отличалась от казарменной жизни польского солдата, как в смысле свободы, так и в смысле продовольствия. Не были мы так же лишены этой свободы и после лагерной жизни, в смысле передвижения по территории Польши для подыскания работы и вообще устройства своей жизни.

Одним словом, Правительство все сделало для нас, что могло и что должно было сделать.

А теперь мы оглянемся на себя.

Что же мы, за эти 15 лет, пользуясь такой свободой, сделали для себя? Ответ самый короткий и простой — ровным счетом ничего. Причин искать долго не будем, хотя всех перечислить и нельзя. Одна из главных это: за год лагерного лежания, ничего неделания мы порядком деморализовались, изленились. Нам ничего не хотелось делать, нам физиономии друг друга надоели. Мы грызлись между собой, правда, способствовала этому еще и гнилорыбовская работа. Гнилорыбов сумел восстановить казаков против офицеров, большинство которых просто отошли от казаков, а затем часть из них выехала за границу, а часть устроилась по удобнее здесь, отдалась собственным интересам, а до интересов общеказачьих не возвращается и по ныне. Лишь небольшая часть офицерства решила не расставаться с казаками и для того, чтобы положить конец всем распрям, энергично приступила к полыскиванию работ, а затем вызывала казаков группами и устраивала на работы, как могла.

Дело обстоит так: режим здесь очень суров, устроился сносно. Но это была только часть казаков, выехавших организовано. Большинство же распылилось по всей территории и о судьбе их в то время знал только Бог.

Таковы итоги нашей организационной работы за 15 лет. Здесь мы, к сожалению, должны признаться, что мы порядочно отстали от своих братьев, как мы называем «казаков из Крыма», но одновременно, как бы в оправдание, сделаем оговорку, что мы отстали в организованности по причинам до некоторой степени уже известным. Поговорим о них также и ниже.

Что же касается самостийности, нам никто не может сказать, что самостийность у нас зарождается только теперь. Зародыши ее у нас были обнаружены еще в 1921 году. Мы на это имеем некоторые данные, но эта, сравнительно небольшая группа, в то время абсолютно не могла ничего начать. Для того, чтобы яснее представить себе то трудное для самостийных

начинаний положение, я приведу здесь письмо ко миссии А. С. Ефремова.

Выехав на работы с группой в 135 казаков 10 августа 1921 года я, как и каждый старший группы, подписал известное обязательство в отделе Министерства труда, в котором говорилось:

1. Старшему группы вменяется в обязанность, по прибытии на место работ, зарегистрировать группу у надлежащих властей, указав район расположения, и не выпускать из указанного района ни одного казака.
2. За каждый рабочий день с каждого казака удерживать по 39, а позже 84 марки и два раза в месяц присыпать или привозить эти деньги в Министерство труда в Варшаву, а за удержаные таким образом деньги М. Т. обещало выдавать на зимнее время теплое белье, обувь и пр.

Когда наступила зима, когда потребовались белье и обувь, я обратился через своего начальника дивизии с ходатайством о выдаче нам вышеупомянутых предметов. Но оказалось, что Министерство сочло выгодным поручить опеку над нами русскому комитету в Варшаве.

Русский комитет, как и вообще и во всех случаях русские люди, не торопились удовлетворить просьбы казаков. Дело с выдачей белья затянулось до глубокой зимы. Я вторично написал письмо частного характера на имя начальника штаба дивизии сотн. Ефремова, в котором указал, между прочим, и на не внимание отношение к подчиненным.

На мое письмо сотн. Ефремов ответил следующее:
9-I-1922 г. Тухоль.

Дорогой Александр Акимович!

Письмо Ваше от 2-1 с. г. получил. Из него же я увидел, что жизнь Ваша не так то уже хороша. Благодарю Вас за высказанное доверие. Давно бы написал Вам письмо, да не знал Вашего адреса... Узнал адрес подъесаула Найденова и написал ему письмо с просьбой передать его Вам для прочтения. В своем письме я изложил только те факты, какие у нас произошли, не уговаривая никого вступать ни в какую организацию. Да, в сущности, никакой организации и нет. Дело обстоит так: рожки здесь очень суровы, выход из лагеря очень затруднен, а казаков почти совсем не выпускают и при всем желании Вам помочь отсюда невозможно. Начальник дивизии не может выехать в Варшаву — непускают. Ген. Новиков белье нам привез, Вам обещал выдать прямо на работы, но, конечно, сами знаете, что бывает из этих обещаний. Мы сами теперь в таком положении, что не только фактически Вам помочь не в состоянии, но даже и себе. Вот и судите, кто в данном случае виноват? А тут еще много пакости делают свои же люди. Вот для того го, чтобы избавиться от этих непрошенных опекунов, мы и решили просить Польское правительство перевести нас в один из Украинских лагерей, где бы мы могли жить вполне самостоятельно. Особенной заботы мы ни от кого не видим, кроме всякой пакости. На днях приезжал к нам ген. Дьяков. Пришло с ним поговорить о прощлом. Призывал нас подчиниться ген. Врангелю, но мы сказали, что довольно уже намходить на чужих поводках, пора и самим взяться за ум. Что до общего движения в России, ни к кому не приставать и ни под какой опекой не находиться. С тем он и уехал, никакой помощи не обещал, а проповедывал устройство на работы, на что мы ему ответили, что на работы мы устроимся и сами, если Вы лучшего придумать не можете.

Если привезет или пришлет ген. Новиков белье, сообщите нам письмом.

Крепитесь и крепите казаков, а от нас всем привет. Ваш А. Ефремов».

Вот этот то документ и говорит нам и о том, что самостоятели уже были, и о том, что начать что нибудь реальное было весьма трудно. Невозможно потому, что нельзя было отделаться от непрошенных опекунов. Отделялись от одного, набросились другие.

Гнилорыбов уговаривал выехать в сов. Россию, а Новиков и Дьяков уговаривали нас всех подчиниться

ген. Врангелю, ибо они сами, казачьи генералы — края и гордость казачьих армий, без Врангеля, сами для казаков ничего придумать не могли, только Врангель мог разрешить судьбу казачьей эмиграции.

А спросить бы теперь этих господ, что они будут делать теперь, когда Врангель умер, Покровский убит, а Деникин постарел?

Но, правда, есть еще Граббе. На этот вопрос очень трудно ответить, чем эти господа думают заняться, если будет суждено вернуться на родину. Сами они управлять не могут, а для их нынешнего покровителя, гр. Граббе, может быть будет удобно устроиться в Москве. Поэтому нам, казакам, придется самим управлять своей судьбой. Да, пожалуй, и справимся.

Мы 15 лет в эмиграции не нуждались в их опеке и никогда ни за какой помощью к ним и к Врангелю не обращались. Мы не только сами находили себе выход из трудного положения, мы сумели сами без них об'единиться в один казачий национальный лагерь. Сами нашли себе политический путь, а самое главное — сами сумели (к их может быть великому удивлению) выработать казачью политически-государственную программу.

Сравнительно не долго пеклись о нас ген. Новиков и Дьяков. Правительство скоро положило предел их деятельности, выслав одного и другого за пределы страны.

Только тогда, когда выехали эти господа, мы стали жить спокойно по своему, по казачьему. Было нам — и хорошо и плохо. Мы сами справлялись со всяческими трудностями, помогая друг другу в крайней нужде.

Но, спустя год, к нам приехал еще один опекун из Парижа — представитель красновской организации, полк. Зеленков. Этот опекун обещал нам больше, чем предыдущие. Он уверял, что Петр Николаевич (Краснов) уже ассигновал известную сумму на организацию в Польше и немедленно же, по моем приезде (его приезде, в Париж эта сумма будет выслана «пропорционально». Кроме денежных сумм, он многое обещал, включительно до формирования, но и ему не удалось поймать нас на удочуку.

Уездная из Августова, он сказал нам на квартире сотн. Усачева: «казаки вашей группы очень осторожно подходят к вопросам об организации, а у вас обнаружено явное безразличие. Это и послужило главной причиной» (его неудачи)...

На это мы ему ответили, что казаки теперь, а вместе с ними и мы, заняты исключительно устройством личной жизни и всякие организации для нас еще преждевременны.

С тем «опекун» и уехал, не давая знать о себе до сегодняшнего дня.

Не забыл о нас и покойный Донской Атаман ген. Богаевский. В своем информационном листке он поздравил нас с Новым Годом и пожелал нам встретить следующий Новый Год в свободной, уже великой России. Ген. Богаевский ничего не обещал, предлагая только не вдаваться ни в какую политику. «Казак есть воин, а не политик». «Устраивайтесь сами, как можете, на жизнь и поддерживайте постоянную связь со мною и с Правительством».

Но это был последний, хотя и молчаливый опекун.

Однажды я получил письмо от г. Маракуева из Праги (не знаю, каким образом он узнал мой адрес). Он просил меня опросить всех казаков группы: желают ли они выехать в Канаду, а на желающих выехать, как можно скорее прислать ему списки, что мною и было сделано.

Затем мы обменялись несколькими письмами. В своем последнем ко мне письме он писал, что правительство Канады отказалось в выдаче средств на перевозку казаков, а своих средств мы не имеем. Поэтому нам, казакам, приходится перестать надеяться на какую либо помощь извне. Нужно самим себе пробивать дорогу. На этом и кончилась наша переписка.

В 1927 году я получил письмо от г. Юренева, секретаря земельной комиссии во Франции. Он также предлагал прислать списки желающих выехать во

Францию на сельско-хозяйственные работы. Но уже было поздно. Французское правительство, боясь разведения безработицы, запретило в'езд таким иностранцам, которых нельзя потом отправить домой.

На этом и закончились заботы о нас Донского Атамана и правительства, вместе с «казачьим союзом».

Наконец, 10 декабря 1927 года раздался «голос гласный». Затрубил под'ем наш «Черный Всадник». И все сразу мы услышали этот радостный звук трубы, но кто услышал первый — спешил разбудить другого, другий третьего и т. д. В течение года наш борец за волю казачью и неутомимый работник, с небольшой группой таких же смелых, мог с уверенностью подвести итоги своей работы и с достоинством подсчитать в. казачьи ряды.

Год за годом ВК движение охватывало все новые районы. Год за годом оно пополнялось свежими силами, крепло духовно и физически и теперь, на девятом году, благодаря умелому руководству и твердой воле нашего вождя-редактора, Походного Атамана И. А. Билого и его смелых, верных сотрудников и помощников, ВК движение усовершенствовалось, окрепло и вошло уже в политическую жизнь иных народов. Считаются с ним теперь не только наши враги, а даже и те народы, куда заброшены судьбой казаки.

Нам нет необходимости уговаривать тех, кто не может и теперь еще рассстаться с мыслию о «великой родине России». Не будем заискивать и у тех, кто идет параллельно нам. У нас хватит и своих сил, глянчным образом политических. Физическая сила в данном случае — дело второстепенное, ибо когда мы окрепнем политически и духовно, физическая сила сама собою увеличится.

Главной нашей задачей, задачей вольных казаков, является распространить, как можно шире, идею нашего движения среди тех казаков, до которых не дотянулся голос ВК, а так же и среди тех, которые слепо еще верят своим бывшим вождям, и, наконец, среди тех, которые предпочли остаться нейтральными и ждут, когда их позвут — кто бы то ни был. А поэтому мы, вольные казаки, должны явиться примером организованности и сплоченности. Мы должны об'единиться в одну тесную в. казачью семью — путем организации на местах. Этим самым мы поможем и нашему инициатору здесь уполномоченному Походному Атаману, станичнику Штохуванию, задачей которого является сейчас об'единение всей казачьей эмиграции в Польше в один в.к. Округ.

Итак. братцы, вперед под Вольно-Казачье знамя! Не думайте, что это еще преждевременно, как это было раньше. Наоборот — международная обстановка требует от нас энергичной и срочной работы. Не думайте так же, что уже поздно. Мы еще успеем выправиться, когда для этого поластся команда.

Слава вольным казакам! Слава Казакии!

А. Солдатов.

В АВГУСТОВЕ

1-го февраля с. г. в В. К. станице имени Атамана Назарова в Августове состоялся станичный сбор по делу организации Вольно-Казачьего Округа в Польше.

В 12 часов дня, когда на лицо оказалось десять человек членов станицы и плюс два приглашенных правлением оппозиционера, атаман станицы открыл сбор, к которому обратился со следующим словом:

Станичники! до сих пор мы, вольные казаки, принаследжали свою к ВК идею доказывали словом, от сегодняшнего же дня должны оправдать эту принадлежность и делом. Сегодня, станичники, мы собирались общими силами решать в жизни нашей очень важный и трудный вопрос, почему попрошу вас встать и, по примеру своих предков, обратиться к лицу Св. Николая Угодника с молитвой «Отче Наш».

Дружно казаки встали и с чувством благоговения пропели молитву.

По окончании молитвы атаман сказал: всегда мы, Назаровы, отмечали в феврале месяце траурным собранием день трагической гибели своего шефа, Войско-

вого Атамана ВВД Анатолия Михайловича Назарова. Воздадим должное ему и в сегодняшнем собрании. Попрошу вас, станичники, встать и в память своего шефа и всех казачьих борцов, жизнь свою отдавших за свой казачий народ, склонить свои головы. Вечная память им и вечный покой.

После этого сбор приступил к повестке дня. Исчерпав вопросы, поставленный на повестку дня, атаман предложил присутствующим вносить предложения по «текущим делам». Когда таковых не оказалось, собрание атаманом было закрыто. Присутствующий от местных властей представитель, пожелав казакам успеха в намеченном деле, попрощавшись с казаками, оставил собрание.

Оставшись своей казачьей семьей, атаман предложил присутствующим станичникам откровенно, по-казачьи, побеседовать. Долгое время никто не решался затронуть больной вопрос по поводу оппозиции. Представитель же газеты «Единство и Независимость» — Е. Кочетов встает и хочет вместе с Муруговым уйти со сбора. Тогда атаман попросил торопившихся станичников задержаться немного.

Когда Кочетов и Муругов присели, атаман обратился к станичнику Кочетову со словами: Емельян Федорович! можно будет прочитать станичникам ваш отчет в газете «Единство и Независимость» № 3, по поводу приезда в нашу станицу Походного Атамана ВК И. А. Билого?

— Да, можно.

Атаман: Все вы, станичники, читали в журнале «ВК» отчет вашего правления по поводу приезда к нам Походного Атамана?

— Да, читали.

Атаман: Нашли там какое упущение?

Казаки: Нет, там все написано так, как и было.

Атаман: Ну, а теперь я вам прочитаю отчет по этому же делу Емельяна Кочетова. — И, достав газету Жукова и Алимова, хранившуюся у нас как документ, атаман прочитал собравшимся ложную, провокационную статью под заголовком «Разочарование», за подпись Емельяна Кочетова.

Атаман: Было так, станичники, пил из вас кто на станции водку от Походного Атамана?

Казаки: Нет!

Атаман: Значит, и шоколад никто не пробовал?

Казаки: Нет!

Атаман: А билеты на станции покупал кому Походный Атаман?

Казаки: Никому Походный Атаман билетов не покупал!

Атаман: А вообще есть ли что похожего в этом «разочаровании» с действительностью?

Станичник Буланов: На все на это следует написать опровержение.

Атаман: Емельян Федорович, зачем вы все это писали?

Кочетов: Да я же вас не касался, я прятанул одного Билого.

Атаман: Как же не касался, а кто же с ним всдку пил и шоколадом закусывал? А в журнале «Казакия» стоит на обратной стороне первой обложки о подкупательных методах. К кому же эти подкупательные методы Билый проявлял, как не к нам? Значит, вы людей вводите в заблуждение?

Кочетов: Да теперь вся политика стоит на этом.

Атаман: Значит, на лжи? Вот эта ваша ложь и загубила Казачество в прошлом. Благодаря таким элементам, как вы, Казачество потеряло в прошлом самых наилучших своих деятелей, а само очутилось сейчас в рабстве и бесправии.

Кочетов и Муругов: Да чаво ты его защищаешь, Билого?

Атаман: Не Билого я защищаю, а правду казачью!

Кочетов: Все равно я на него валил и валить буду. Раньше я на него Богу молился, а теперь знаю, он человек образованный, но к этому делу неспособный.

Атаман: Я лично считаю, что ваш председатель Кудинов, человек среднего образования, еще больше

к этому делу неспособный, но я не позволяю валить на него всевозможную ложную чепуху.

Кочетов: Вали...

Атаман: К чему же все это приведет, когда мы, казаки, уронив казачье достоинство, начнем искажать правду на ложь?

Кочетов: С вашего Округа все равно не выйдет законного.

Ст. Мотаринов: Почему?

Кочетов: Потому что вы собираетесь одни Биловцы, а нас, оппозиционеров, не позовете, вот и получится ваш округ однобокий.

Ст. Мотаринов: А разве вы не можете ехать на с'езд, когда вы такие же вольные казаки?

Кочетов: Да как же мы поедем, когда наш округ не будет иметь статута?

Ст. Мотаринов: А кто у вас окружной атаман?

Кочетов: Да Еремеев.

Ст. Мотаринов: «Кто его назначил на эту должность?

Кочетов: Да правление.

Ст. Мотаринов: Какое правление? Кульгин?

Кочетов: Тю, Иван, да ты не смейся, Кульгин такой же чудак, как и я.

Ст. Мотаринов: Нет, Емельян Федорович, я не смеюсь, ведь я все знаю, у меня хранятся от Кульгина письма, в которых он значится помощником станичного атамана Белостоцкой станицы, а вы говорите, что я с вас смеюсь!

Атаман: Оставьте их, Иван Дмитриевич, с этими людьми говорить все равно, что в стену горохом бросать.

Кочетов: Вы на мне только отыгрываетесь.

Атаман: Вы нам для игры не нужны. Мы вас зовали для установления казачьей правды.

Кочетов: поднявшись с места: Вы меня выкинули, как гада из мешка. Сегодня второй раз из меня строите насмешки...

После чего, попрощавшись с казаками, Кочетов и Муругов вышли из дома станичного атамана, где помещается правление станицы.

Оставшиеся же казаки, поговорив некоторое время о подлой, лживой провокационной деятельности Емельяна Кочетова, разошлись по домам.

Атаман станицы **Ф. Сафонов.**

В. К. в Германии

НЕБОЛЬШОЕ РАЗ'ЯСНЕНИЕ

В журнале «ВК», № 183, атаман в к. станицы в Ганновере станичник **Лосев** обявил ставку г. Овсянико на оппозицию проигранной и в доказательство привел список 50 казаков в Германии, не разделяющих сплизионных увлечений г. Овсянико. Закончил станичник Лосев свою статью обращением к г. Овсянику — открыть свои карты.

Мы, казаки, живущие в Германии, зная карты г. Овсянико (их две восьмерки и двойка *), были убеждены, что с такими слабыми картами ему ничего не остается делать, как спасовать и, скрепя сердцем, признать свою игру проигранной.

Но.. не таков г. Овсянико. Здравому смыслу вопреки и стихиям наперекор, он в журнале «Казакия» № 2 (8) выступил с «опровержением» и по пунктам «разбивает» станичника Лосева. А пунктов тех целых 5.

Согласно приговора в. к. станицы в Берлине, от 6-УП-1935 г., помещенного там же, эта станица насчитывала 6 человек, живущих в Берлине. За выходом одного из них (А. Петренко) осталось 5. Из них 3 человека входят в состав «окруж. правл.», следовательно, рядовых членов осталось только 2. О членах, яко бы живущих вне Берлина и Германии (число их не более 10 чел.), говорить не приходится, так как это,

в сущности, мертвые души, хранимые г. Овсянико для поддержки собственного престижа.

В конечном результате, у г. Овсянико в Руте — восьмерка, а в Берлине двойка. С такими картами выиграть нельзя и их не открывают.

В первых 3-х пунктах г. Овсянико заявляет, что ст. Лосев в свой список поместил немцев, поляков, украинцев, русских и казаков единоделимцев; что многие казаки, значущиеся в списке Лосева, возмущены подобным издевательством, о чем у него, Овсянико, имеются даже сообщения и что, наконец, некоторые фамилии ст. Лосевым искажены. При таких условиях, восклицает г. Овсянико, можно насчитать не 50, а 500 человек. Восклицает и... не приводит никаких доказательств. Надо полагать, что г. Овсянико расчитывает на полную веру его словам. С такой постановкой дела согласиться нельзя. Я знаю случаи, удостоверяющие, что с восприятием оппозиционных увлечений г. Овсянико, одновременно воспринял и свободу обращения с истиной и потому, да простит меня г. Овсянико, я склонен считать, что приведенные им 3 пункта «опровержения», как голословные, ничего не опровергают.

В пункте 4 г. Овсянико заявляет, что список казаков (его сторонников) с фотографическими карточками и собственноручными подписями хранится в «Центр. Правлении» и что он, Овсянико, не имеет права публиковать список организации по желанию каждого.

Умные речи приятно и слушают. Хотя оно, конечно, всем известно, что центральные органы всегда имеют списочный состав членов, но раз г. Овсянико считал нужным поведать об этом всему честному Казачеству, то нам остается только умиляться правдивому сказанию. Только, какое же отношение к его опровержению имеют списки в «центре»? Не думает ли г. Овсянико, что хранение в «центре» списков с фотографиями и подписями, да еще, пожалуй, в алфавитном порядке, в должной чистоте и опрятности, приумножает число членов?

Очень хорошо сказано, что он, Овсянико, не имеет права публиковать списки по желанию каждого. Одно только плохо, что г. Овсянико укрылся за право, не будучи в состоянии дать должный отпор ст. Лосеву. Не будь список г. Овсянико так убийственно коротким, он давно бы предал его гласности в поправие всяких прав, но во славу себе и в посрамление его противников.

Затронув свое «Центр. Правление», г. Овсянико поставил его в неловкое положение. Но, надо отдать ему справедливость: «центр. правление» ревностно блюдет интересы своих сторонников и нет почти ни одной статьи, особенно, если в ней «нападают» на И. А. Билого или на лиц, к нему примыкающих, — где бы «центр» не дал своей реплики с целью усиления впечатления..

Одно время один из оппозиционеров заявил, что в в. к. станице в Софии насчитывается, что-то около 300 или более человек. Когда же с противной стороны было высказано сомнение в правдивости такого сообщения, то оппозиционный «центр» поспешил на помощь своему сотруднику и подтвердил, что да, по списку, находящемуся в нем, значится именно такое число (конечно, соврал). В данном же случае письмо г. Овсянико было помещено в «Казакия» без каких-либо комментариев «центра». И понятно, почему. «Центр» может поддержать г. Овсянико только в части, касающейся нахождения у него списка, но указать число лиц, значущихся в нем, он, «центр», не «может» просто в интересах самого г. Овсянико (в данном случае сорвать нельзя).

О 5 пункте «опровержения» я умолчу, так как он ни с какой стороны к опровержению касательства не имеет и внесен г. Овсянико только для усиления числа пунктов, существующих, по его мнению «возничего толкнуть» ст. Лосеву.

Из нежелания окончательно портить личные отношения с И. Дан. Овсянико я не распространяюсь дальше и не шлю по его адресу тех упреков, которые им посланы ст. Лосеву, но которые более подходящи

*) Согласно приговора в. к. станицы в Руте, от 29-УП-1935 г. № 4, помещенного в бюллетени «Вр. Цент. Правл.: № 3, эта станица насчитывает 8 человек сторонников г. Овсянико.

к нему самому. Попутно, я не могу не сказать откровенно:

Вы, Иван Данилович, ничего бы не потеряли, если бы меньше давали поводов вступать с Вами в пререкания. Никогда не надо забывать, что не обоснованные Ваши выпады против инакомыслящих противников неизбежно влекут выпады и против Вас.

Германия.

A. Петренко.

В. К. во Франции

ПО В.К. ОКРУГУ

I.

Приветствую и зачисляю в состав Округа В.К. Лотарингскую об'единенную вольно-казачью станицу.

II.

Зачисляю в списки Округа В.К., казака К.К.В. — С. С. Козорезова (члена Кубанской Рады), казака В. В. Д. — А. П. Фролова, казака В. В. Д. — И. Ржевскова, — с 12-I-1936 г. казаков В.В.Д. А. С. Ивашкова, И. Гукова, Н. Е. Василенкова, Ф. С. Сергеева, К. М. Самсонова, Т. В. Лиховидова, казака К.К.В. — М. М. Флизани, казака Т.К.В. — А. Ф. Алаева; — с 1-II-1936 г., казаков В.В.Д. — А. Г. Лесникова, А. Д. Соколова, В. Д. Шевырева, И. С. Смагина, П. В. Сухаревская и казака К.К.В. — Г. П. Сотниченко — с 18-II-1936 г.

III.

При трагических обстоятельствах (убит током высшего напряжения), погиб во-время работы, член В.К. станицы в г. Оше — К. Кугелев.

Мир праху честного патриота!

IV.

Обращаю внимание всех В.К. на проявление инициативы В.К. хутора в г. Санс, решивших поставить памятник герою восстания Донских казаков в 1918 году, первому взывшему Новороссийск, умершему генералу М. Л. Фетисову; незадолго до съезд казачины, вступившему в ряды Вольного Казачества.

Пусть каждая В.К. организация примет посильное участие в постановке памятника умершему казачьему герою, и внесет свою небольшую денежную лепту,

помня, что о казаках никто не позаботится, кроме самих казаков.

Пожертвования направлять по адресу:

M. A. Kireef. 16, rue Beaurepaire, Sens (Yonne). France.

У.

В.К. хутору в г. Бельфоре предлагаю именовать впредь — В.К. хутор ими Н. С. Рябовол в г. Бельфоре, увековечивая тем память славного казачьего патриота, погибшего от предательской пули.

14-III-1936 г.

Скружной Атаман. — А. Ленинов.

Окружной писарь — И. Кувиков.

В. К. в Болгарии

† Я. Е. УКЛЕИН

4 марта с. г. в восемь с половиной часов утра в В. Тырновской державной больнице умер казак Кубанского Войска, станицы Баталпашинской — Яков Евдокимович Уклен, родившийся в 1857 году.

Покойный, несмотря на свои 79 лет, сохранил мужественность, строгость к самому себе и твердую веру в воскресение Казачества. Был примернейшим казаком хутора Ермакова. Никогда не пропускал собраний и своим присутствием не раз подбадривал молодых казаков хутора.

Дедушка имел большую надежду побывать на Вольной Кубани, но судьбой суждено было ему другое.

В ночь под 24 февраля он получил ожег и вначале не подозревая большой опасности, не обратил особого внимания на рану, а через пять дней рана показалась настолько серьезной, что пришлось отправить его на лечение в больницу. Все старания доктора облегчить его страдания оказались напрасными. Было уже поздно, получилась инфекция... И не стало нашего дедушки.

Ты оставил нам самые лучшие воспоминания о себе. Пусть же будет тебе легкой братская земля!

Н. Ковалев.

Материалы для будущей разгадки теперешней загадки „оппозиции“

23 февраля с. г. в Париже «Общество Ревнителей Казачества» устроило публичное собрание, на котором председатель Общества, он же председатель союза комбатантов (оппозиционеров), он же и администратор оппозиционной газеты «Единство и Независимость» г. А. Алимов сделал доклад, а после доклада должны были быть прения.

Тема доклада была формулирована вначале на первый взгляд несколько неопределенна: «Октябрьская революция заканчивается гибелью русского империализма». Потом эта формулировка была заменена иной, не менее туманной: «Логическое завершение октябряской революции».

Устроители доклада, как сами признаются, имели в виду «устроить политическую дискуссию с участием представителей угнетенных народов», а потому прошли «последних принять участие в прениях».

На собрание пришло, вместе с представителями угнетенных народов, по нашим сведениям, человек 27-28. Но в прениях, кроме самих устроителей, не принял участия никто, в том числе и приглашенные представители угнетенных народов. Дискуссии так и не было.

Почему?

— Чтобы не быть заподозренными в пристрастии, ответим на этот вопрос словами отчета одного из бывших там представителей угнетенных народов.

Приводим ниже несколько выдержек из отчего

о собрании и докладе г. Алимова, напечатанного в украинском журнале «Молодая Украина» (январь - март, 1936, номер 1 — 3).

... «Доклад п. Алімова, хоч і був дуже цікавий (очень интересний*), проходив **не зовсім на оголошенню тему** **) (не совсем на об'явленную тему). Правда, тема докладу була «широва й глибока», побудована (построенная) «на згадку буряків, щоб дали капусту». Так я й не довідався з докладу, чи п. Алімов за, чи проти московського імперіалізму. Та й з промов інших членів «Общества ревнителей казачества» не можна було ніякого висновку зробити (нельзя было сделать никакого заключения): за царя воно, за самостійність, чи за «свободу вообще».

... «Московської інтелігенції п. Алімов не жалує... Каже що «ти, які кликами на боротьбу за волю, раптом полякалися (вдруг перепугались), поховалися (попряталися) й не вміли опанувати революційним рухом» (и не сумели овладеть революціонним движением)...

.. «Через те (поэтому), продовжує п. Алімов, «революцією опанували (овладели) сильні характери, гіганти, надзвичайно здібні й загартовані» (весьма сподобливі и закалені) Ленін та Троцький... — Вихо-

*) Все переводы в скобках сделаны нами. Ред.
«В. К.».

**) Подчеркнуто везде нами. Ред.

дить (добавляет от себя референт), що всякий відважний бандит може бути «дуже здібний, гігант». Взагалі, п. Алімов не скупий, коли ходить про найкращі риси й якості большевиків (всобще, г. Алимов не скупиться когда речь идет о наилучших чертах и качествах большевиков).

Дальше референт (С. С.) передает содержание доклада (слишком кратко) и высказывает одновременно свои мысли по поводу сказанного докладчиком, а иногда и полемизирует с ним.

Для упрощения нашей задачи и для того, чтобы дать возможность прочитать нижеприводимое всем нашим читателям, приведем некоторые выдержки в переводе на русский язык:

.. «Народы («окраинные»), говорят г. Алимов, скажут свое слово, когда начнутся мировые события (світова завирюха). Но как они его скажут? Не падут ли они «жертвой чужого захвата»? Не разделят ли враждебные силы России (Московщины)? — Вот какие вопросы тревожат докладчика. Вопросы «законные», но напрасно бы мы на них ожидали от докладчика ясных взглядов. Он путается, вернее — путает, прячет свои подлинные убеждения, ведет свой доклад «дипломатически». Плохо будет, если большевиков чорт возьмет, так как «враждебные силы поделят Россию» (Московщину); плохо будет, если немцы на-

ложат свою руку на весь восток; плохо будет, если большевики останутся, так как... Ні сюди, Мікито, ні туди, Мікито... Гибель московскому империализму, если большевики останутся: они — за мировую революцию. Гибель московскому империализму, если немцы распространят свою гегемонию, так как разделят Российской империю. Плохо будет, если и Гитлера победят. Словом, «хоч сядь та й плач»...

«Ни Берлина, ни Москвы Европа не любит. Однако, столкновение Берлина с Москвою — дело ближайшего времени. Европа должна сделать выбор: или — или... Но как же эта Европа сделает выбор (спрашивает недоуменно референт), если г. Алимов сам этого сыбира сделать не умеет или не хочет?..

.. «На доклад (кончат референт свой отчет) горячо зазывались эмигранты, особенно представители «украинских народов». Да и после доклада г. Трофимов об этом настойчиво напоминал, приглашая эти «окраинные народы» высказаться. Но, «окраинные народы» молчали, словно в рот воды набрали»...

— Судя по такому отчету, устроители доклада г. Алимова и сам докладчик потерпели полное фиаско. Но не в этом соль для нас приведенного выше свидетельства. Испущенные в политической борьбе люди многое уразумеют из цитированных выше отрывков. Поймут это и вольные казаки.

В Граббевском лагере

4 августа 1935 года, когда в залах отеля «Лютеция» гр. М. Н. Граббе провозглашали Донским Атаманом, он перед боевым знаменем одного из гвардейских донских полков принес присягу следующими словами: «Перед этой боевой святыней, честью донского казака, обещаюсь исполнять веления законов Войска».

Для всех тех, кто близко стоял к делу провозглашения гр. Граббе Донским Атаманом, не секрет, что текст этой присяги-обещания был продиктован ему его сторонниками из «Лиги Возрождения Казачества». Не секрет и то обстоятельство, что текст присяги у одних вызвал удовлетворение, а у других разочарование. Разочарование это было вызвано не только самим текстом, но и тем, что Граббе дал обещание, которого, несомненно, не сможет выполнить по обстоятельствам своего внутреннего убеждения и своего прошлого.

Те, кого данная присяга-обещание удовлетворила, немедленно после выборов стали настаивать на проведении ее в жизнь, в виде применения ст. 27 Основных Законов В. В. Д. и настаивали на назначении на должность председателя Донского правительства Г. И. Карева (ст. 27, как и вообще Осн. Зак. ВВД не предусматривают должности председателя правительства, а предусматривают должность председателя Совета Управляющих Отделами). Часть из среды разочарованных, говоря Граббе о невозможности применения Осн. Законов, настаивала на назначении председателем Донского правительства проф. А. П. Маркова, а другая часть из той же среды настаивала на том, что никакого председателя правительства вообще не нужно и противилась тому, чтобы Г. И. Карев и А. П. Марков вообще были вовлечены в орбиту деятельности Донского Атамана.

Несмотря на это, гр. Граббе имел ряд совещаний с разными лицами о возможности назначения А. П. Маркова председателем Донского правительства. Не раз Граббе, при совещаниях с разными лицами, получал отрицательные отзывы о Маркове. При таких условиях Граббе терялся и не знал, что же ему предпринять, тем более, что ген. П. Н. Краснов и вообще казачья старшина и «подстаршина» требовали от него выявления его политического лица и заявления, что он ведет казачество по общероссийской линии, а Карев и его сторонники требовали заявления, что он ведет Казачество по пути создания самостоятельного Донского государства.

Сторонники Карева требовали назначения его председателем Донского правительства. Против этого восставал ген. Краснов, а 2-й претендент на пост председателя правительства Марков вел сложную закулисную работу против Карева.

1 января в помещении французского отдела союза инвалидов состоялось совещание казачьей старшины. На совещании присутствовали: гр. Граббе, ген. Краснов, ген. Черячукин, ген. Поздышев, ген. Баранов, Г. И. Карев, п... А. П. Марков. Тот Марков, о котором, в период выборной кампании, ген Краснов сказал, что он на Маркова смотрит, как на отдел полпредства с рю Гренель, а ген. Поздышев в комиссии по выборам требовал выяснения прошлого А. П. Маркова.

Совещание это вынесло какие-то постановления, которые были запротоколированы и должны были быть напечатаны в № 3 «Атаманского Вестника».

О совещании и о его решениях стало известно «Лиге Возрождения Казачества», которая в свое время усиленно ратовала за избрание Граббе, и Парижской общеказачьей станицей, созданной Граббе для «сближения управления казаками, проживающими в г. Париже и его окрестностях» и на правление которой он намерен был смотреть, «как на своих ближайших помощников по управлению парижскими казаками».

Эти две организации стали на дыбы, «Л. В. К.» выпустила даже листовку, направленную против действий Граббе и «старшин», собирающейся 17 января. Парижская станица прекратила даже выборку «Атаманских карточек» и потребовала от Граббе обясняться относительно совещания 17 января и домогалась знать, почему на то совещание не был приглашен атаман станицы.

В ответ на действия «Л. В. К.» и Парижской станицы гр. Граббе 16 февраля созвал «экстренное» собрание представителей казачьих организаций г. Парижа и его окрестностей. На этом совещании были представлены 14 организаций из 22. Открывая собрание, гр. Граббе жаловался на действия «Л. В. К.» и Парижской станицы; жаловался, не называя имен, на то, что Карев и его сотрудники требуют назначения Карева председателем Донского правительства; указывал на то, что ст. 27 Осн. Зак. ВВД, как и вообще законы, сейчас не применимы. Указывал на то, что он вправе собирать совещания, при этом указывал, что совеща-

ние 17 января было частного характера и никаких решений и постановлений на нем принято не было (участники же совещания говорят, что решения были приняты и что совещание как раз не носило частного характера и грозят потребовать от Атамана напечатать протокол совещания, а в противном случае они напечатают его сами); защищал «всеми уважаемую старшину», присутствовавшую на совещании 17 января, а особенно ген. Краснова, «как лучшего и достойнейшего казака». Указывал на то, что его предшественником, ген. Богаевским, за 15 лет атаманства ничего не было сделано, а только растрата войсковая казна и удивлялся тому, что тогда донские казаки молчали, «а теперь, когда я взялся об'единить Казачество и устроить его благополучие, на меня нападают». Грозил, «несмотря на все попытки заставить его отказаться от атаманства», не выпускать пернача. Доказывал, что пернач он держит крепко и «никому его не отдаст».

В конце своей речи Граббе просил собрание защитить его и вынести по всем затронутым им вопросам свое решение.

Несмотря на расплывчатость его желаний, было ясно, какого решения ждет гр. Граббе. Ему хотелось, чтобы собрание осудило действия «Л. В. К.» и Парижской станицы; оправдало бы созыв совещания 17 января; указало бы ему политический путь в его работе и вынесло бы свое решение по вопросу о применении Осн. Зак. ВВД вообще и в частности ст. 27).

После своего «доклада», гр. Граббе предложил присутствующим высказаться.

Первое слово было предоставлено быв. секретарю Г. Ц. К. по выборам Донского Атамана А. П. Падалкину, который обратил внимание собрания и гр. Граббе на то, что казаки, принимавшие участие в выборах, указали ему его права и обязанности. Указали ему и на то, как он должен относиться к Осн. Зак. ВВД. Говоря об этом, Падалкин указал на то, что Донскому Атаману необходимо руководствоваться тем, что сказало большинство казаков, принимавших участие в выборах, а не тем, что скажет сегодняшнее собрание представителей 14 организаций.

Отвечая Падалкину, Граббе указал на то, что он считает полезным говорить со всеми и оставляет за собою право говорить с кем угодно. Здесь же указал на то, что он в ближайшее время намерен говорить с г-ном Рубинштейном.

В ответ на это Падалкин заявил, что он не намерен бы называть то имя, которого казаки не желают видеть на совещаниях у Атамана, тем паче на совещаниях, где решаются судьбы казаков, ибо полагал, что Атаман поймет, о ком идет речь. Но теперь, после его ответа, принимая во внимание, к тому же, что гр. Граббе на войсковом обеде в Биянкуре сказал, что все, что ему пишут, он «бросает в корзину, чтобы дальше оношло в помойную яму», считает необходимым назвать то имя, которое он имел в виду, и что об этом лице он в свое время писал гр. Граббе.

Падалкин сообщил далее, что в период работ комиссии по выборам Атамана, в комиссии было получено письмо (не аноним), с указанием на то, что значительная группа казаков отказалась от участия в выборах Атамана в силу того, что в комиссии, в качестве ее члена, состоит г. Марков, которого казаки считают агентом ГПУ и не могут этой комиссии доверить своих адресов и имен. Они предлагали дать сведения комиссии о г. Маркове и его друзьях. После окончания работ комиссии, Падалкиным было сообщено все это гр. Граббе, с просьбой произвести расследование. Но его просьба осталась «гласом вопиющего в пустыне».

Заканчивая это заявление, Падалкин указал на то, что Атаман может говорить с кем угодно, но следует, чтобы он знал, с кем и о чем можно говорить. Во всяком случае, с лицами, над коими тяготеют тяжкие обвинения, нельзя решать судеб казачьих.

На это гр. Граббе заявил: «Я буду говорить и с большевиками, это мое право».

Мысль эту разделил и ген. Аллатов.

Следующие ораторы, за исключением представителей Парижской станицы и «Л. В. К.», осуждали по-

ведение «Л. В. К.» и Парижской станицы. При этом указывали на то, что применение Осн. Зак. за рубежом вообще не выполнимо, а применение ст. 27 бесполезно и не нужно. Чувствовалось, что собравшиеся намерены вынести решение, которое удовлетворит гр. Граббе. Только один ген. Зубов указал на то, что, не применяя Осн. Зак., необходимо сохранить их дух и не допускать ни на один день «без атаманства», а для этого гр. Граббе необходимо назначить себе помощника или заместителя, на обязанности которого, кроме прочих дел, должна быть возложена и обязанность, в случае несчастья с гр. Граббе, организовать выборы нового Атамана.

Представители Парижской станицы, а их было три, говорили на разные темы. Так, есаул Ноздрин говорил о праве станицы просить гр. Граббе о предоставлении ей места на совещании старшин.

Ст. ур. Горницкий говорил о том, что если станица позволила себе какие то предосудительные действия и выступления, то это вина старшины, которая не захотела войти в состав станицы для того, чтобы «руководить молодыми».

А. И. Бояринов говорил о том, что гр. Граббе нарушил данную им клятву-обещание и указывал на то, что согласно этой клятве он обязан полностью выполнять Осн. Зак., а не только то, что ему нравится.

Граббе, отвечая А. И. Бояринову, всех присутствующих поверг в уныние, заявив, что он не давал клятвы в той форме, какую ему приписывают, он обещал выполнить Осн. Зак. «постольку, поскольку это будет возможно и необходимо», приписываемая же ему формула есть демагогия и ложь..

На это никто не возразил, так как под руками не было текста данной гр. Граббе присяги-обещания.

После этого Граббе просил собравшихся вынести свое решение по затронутым вопросам, против чего категорически протестовали ген. Тарарин и А. П. Падалкин, указывая на то, что Донской Атаман может принимать во внимание мнение сегодняшнего собрания, но не может им руководствоваться, так как для этого у него есть мнение всех казаков, принимавших участие в выборах. Падалкин отметил, что Атаманожинает то, что посыпали его сторонники из состава Г. Ц. К., которых в комиссии было большинство и которые не пожелали до запроса кандидатов, названных казаками, представить им мнения зарубежного казачества по вопросам о правах и обязанностях избираемого атамана, а в частном порядке ввели в заблуждение своего кандидата, гр. Граббе, относительно по-длинного мнения большинства выборщиков, в результате чего «была та форма присяги-обещания, которую принес гр. Граббе 4 августа».

На это А. И. Бояринов с места сделал ироническое замечание: «Протестую против того, что кто-то обманул гр. Граббе в бытность его кандидатом. Он достаточно умен, чтобы его не обмануть».

Собрание закончилось, не приняв никакого решения. Граббе особенно благодарили за выступление ген. Аллатова и А. П. Падалкина. Последнего за то, что им было указано на отсутствии казаков, принимавших участие в выборах, «о которых гр. Граббе забыл»..

N. N.

Розыски:

Михаил Карпович Токарев, казак ст. Владимирской ККВ, розыскивает своих двоюродных братьев: Семена Петровича Токарева и Афанасия Харлампиевича Асеева — оба ст. Владимирской.

Отозваться по адресу: Болгария, Лесковец, Махала св. Димитрий (Ланжев Двор).

— Константин Мефодиевич Головко, казак ст. Черноерковской, Таманского отдела, розыскивает своих братьев Константина, Николая и Григория, работавших раньше на резиновой фабрике в Монтаржи. Откликнуться по адресу:

Costa Golovko; 3711½ So, Wall. st., Los Angeles, California, U.S.A.

Продолжается подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО -- ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год.:	цена отдельного номера:
Во Франции	30 фр.	60 фр.	3 фр.
В Чехословакии	40 кр.	80 кр.	5 кр.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	100 лей	200 лей	10 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0,50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0,20 долл.

За перемену адреса следует присыпать: во Франции 1 почтовую марку за 90 с., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посыпать по адресу: Mr. L. Bilyi, 10, rue Victorien Sardou — Paris (16)